

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

*Дикарь
и простушка*

Что за девчонка!

Настоящая драгоценность.

Такую он не ожидал встретить в Англии.

Семейство Рид

Джоанна Линдсей

Дикарь и простушка

«АСТ»

2006

УДК 821.111-31 (73)

ББК 84(7Coe)-44

Линдсей Д.

Дикарь и простушка / Д. Линдсей — «АСТ», 2006 — (Семейство Рид)

ISBN 978-5-17-098051-2

Юная наследница огромного состояния Сабрина, выросшая в сельской глуши, считалась в лондонском свете наивной простушкой, способной быть лишь тусклой тенью своей блистательной подруги Офелии. Однако цепь забавных происшествий привела Сабрину, а не Офелию к брачному алтарю с неистовым шотландским «дикарем» Дунканом Мактавишем и ввергла девушку в полный увлекательных приключений водоворот, где друзей невозможно отличить от врагов, юмор — от смертельной опасности, а истинную страсть — от слепого желания...

УДК 821.111-31 (73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-098051-2

© Линдсей Д., 2006

© АСТ, 2006

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	38
Глава 13	41
Глава 14	43
Глава 15	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Джоанна Линдсей

Дикарь и простушка

© Johanna Lindsey, 2006

© Перевод. Т. А. Перцева, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Алексу, чья улыбка может растопить любое сердце

Глава 1

Женщины сосредоточенно смотрели в окно на унылый, тронутый зимними холодами сад, где неторопливо прохаживалась девушка. Участок, засаженный кустами и деревьями, казался совсем небольшим, хотя сам городской особняк был внушительным. Он располагался в фешенебельном районе столицы, настолько плотно застроенном, что усадьба никак не могла иметь сельский вид.

Хозяйка дома Мэри Рид нашла время, чтобы позаботиться о крошечном садике, не то что ее соседи, которые довольствовались скудной газонной травкой. И разумеется, юную Сабрину, обожавшую прогулки на свежем воздухе, следовало прежде всего искать именно там, на этом ухоженном клочке земли.

Дамы продолжали молча, задумчиво наблюдать за Сабриной. Элис Ламберт мрачно хмурилась. Ее сестра Хилари безутешно вздыхала.

– В жизни так не нервничала, Хилари, – прошептала Элис. – Места себе не нахожу.

– Если хочешь знать, я тоже, – кивнула Хилари.

Глядя на них, посторонний человек ни за что не сказал бы, что перед ним сестры. Хилари пошла в отца – такая же высокая, худая, на грани истощения, с тусклыми каштановыми волосами и голубыми глазами. Элис же была точной копией матери: пухленькая коротышка с гривой блестящих темных прядей и синими глазами с фиалковым отливом.

И характеры у сестер настолько различались, что они не слишком хорошо ладили. Ссоры и перепалки были обычным делом. Однако сегодня волей-неволей пришлось объединиться. Племяннице, выросшей на их руках, предстоял дебют в лондонском обществе, поэтому тетки ужасно волновались. К несчастью, на это были свои причины.

И дело вовсе не в том, что Сабрина могла остаться незамеченной среди других девушек, не произвести впечатления или, не дай бог, выказать прискорбное отсутствие манер. Хотя она не была яркой красавицей, как дочь Мэри Офелия, тоже дебютантка, но и уродливой ее никто бы не назвал. У девочки, несомненно, много хороших качеств. Ее происхождение, можно сказать, безупречно. Дед Сабрины был графом, прадед – герцогом. И хотя сама она имела право на титул «достопочтенной», тетки не надеялись заполучить для нее высокородного или хотя бы очень богатого жениха. Любой порядочный мужчина из приличной семьи заслужил бы полное одобрение сестер Ламберт, пожелай он сделать предложение их любимой девочке.

Нет, тревоги, терзавшие женщин, нельзя было назвать обычными волнениями родственников, выставлявших невесту-провинциалку на брачный аукцион лондонского света. Дело обсто-яло куда хуже и имело прямое отношение к причине, по которой обе сестры так и остались старыми девами. Теперь бедняжки страшились, что скандал, омрачивший жизнь трех поколе-ний их семьи, снова выйдет наружу... после стольких несчастных лет!

Но ни одна из женщин не смела признаться в истинных мотивах своих переживаний. По взаимному молчаливому согласию о давно пережитых трагедиях в этом доме никогда не говорили вслух.

– Как по-твоему, она не замерзнет в этой шерстяной ротонде? – спросила Элис, все еще хмурясь.

– Можно подумать, ей не все равно, – угрюмо буркнула Хилари.

– Но во что превратится ее кожа на таком ветру? Разве можно показываться в подобном виде на первом балу? – возмутилась Элис.

В этот момент сухой листок, не замеченный садовником леди Мэри, подкатился к Сабрине и замер у самых ног. Увидев последнее послание минувшей осени, она приняла кокетливую позу фехтовальщика и сделала выпад воображаемой рапирой, но тут же рассмеялась, поймала листок и подбросила в воздух. Холодный ветер тут же подхватил его и унес за ограду.

– Похоже, она и не думает принимать всерьез наши брачные планы, – пробормотала Хилари.

Сабрине следовало бы волноваться не меньше теток, пусть и по иным причинам. Но она вела себя возмутительно легкомысленно!

– Как она может принимать все это всерьез, зная, что мы обе не вышли замуж, но не стали от этого несчастнее?

– Боюсь, у нее сложилось о нас неверное впечатление. Вспомни, ведь мы надеялись выйти замуж в ее возрасте и лишь гораздо позже поняли, как хорошо, что этого не произошло.

И это не было неправдой. Обе дамы не слишком жалели, что в свое время не нашли спутников жизни. Правда, поначалу они сокрушались, что не могли иметь детей, но Сабрина переехала к ним, когда ей не было и трех, и полностью удовлетворила их инстинкты материнства. Многие называли их старыми девами и считали, что именно поэтому сестры так остры на язык и ничего друг другу не спускают, но так казалось лишь со стороны. С самого детства Элис и Хилари по малейшему поводу устраивали ссоры: так уж они были устроены.

Вот и сейчас Хилари, внезапно поняв, что против воли заключила с сестрой молчаливое перемирие, резко бросила:

– Немедленно зови ее! Пора одеваться!

– Так скоро? – мгновенно возразила Элис. – У нас еще несколько часов до того, как...

– Эти часы уйдут на то, чтобы привести девочку в божеский вид, – перебила Хилари.

– Вздор! Может, тебе и понадобится столько времени, а ей...

– Кто бы говорил! Что ты знаешь о таких вещах, когда у самой даже не было дебюта? – съехидничала Хилари.

– Можно подумать, у тебя он был! – парировала Элис.

– Не важно! Мэри не раз упоминала в письмах, что начинает готовиться к балу, едва встав с постели.

– Да у нее день уйдет только на то, чтобы втиснуться в корсет! – фыркнула Элис.

Хилари вспыхнула, поскольку ответить было нечего. Ну как защитить старую подругу, оказавшуюся настолько любезной, чтобы пригласить их к себе на лондонский сезон, поскольку собственного дома в столице у них не было! Крыть действительно нечем: Мэри невероятно растолстела с годами, так что вчера, по приезде в Лондон, Хилари едва ее узнала.

– Даже дочь Мэри начинает заниматься своим туалетом с полудня, – наконец нашлась она с ответом.

– Офелия? Даю голову на отсечение, эта тщеславная сорока просто сидит у зеркала и любуется собой, – заверила Элис.

– Позволь возразить...

Шум ссоры постепенно стихал по мере того, как сестры удалялись все дальше по коридору. Наконец-то они были в своей стихии! Всякий, кто услышал бы, как они несколько минут назад разговаривали шепотом и вполне мирно, во всем соглашаясь друг с другом, не поверил бы собственным ушам. И уж тем более племянница, которую они так горячо обсуждали.

Глава 2

На самом деле Сабрина Ламберт сходила с ума от страха, но делала все от нее зависящее, чтобы не показать этого теткам. Ее дебют обдумывался и планировался целый год и потребовал несколько поездок в Манчестер – на примерку нового гардероба. Кроме того, она хорошо осознавала, какие надежды возлагают на нее пожилые родственницы, поэтому и нервничала больше обычного. Сабрине ужасно не хотелось, чтобы тетушки разочаровались в ней, ведь они так рассчитывали на ее успех в свете.

Но в отличие от милых Элис и Хилари Сабрина не питала никаких иллюзий относительно своего будущего и не надеялась найти в столице жениха. Лондонцы такие утонченные, образованные, не то что она, провинциальная простушка, привыкшая к нескончаемым беседам об урожае, арендаторах и погоде. Лондонский свет буквально упивался сплетнями – пикантными, грубыми, лживыми, сплетнями обо всех и о каждом. Кроме того, в столицу слетелись десятки молодых барышень, имевших одинаковые надежды и намерения: недаром Лондон считался едва ли не единственным местом, где можно отыскать достойного супруга.

Однако по мере приближения вечера Сабрина постепенно успокаивалась. Немало помогло то, что она успела подружиться с Офелией, пользовавшейся шумным успехом у молодых людей. Офелия выросла в столице, была знакома с каждым, знала все последние остроты и, не стесняясь, судачила с приятельницами о ближних, даже если это задевало и ее репутацию. Типичная обитательница Лондона, она была тут в своей стихии, как рыба – в воде. Кроме того, ее дебют состоялся три недели назад, в самом начале сезона.

Для Офелии прибыть вовремя на первый бал сезона отнюдь не было главной целью, тем более что при ее красоте она была просто обречена на успех. Ирония ситуации заключалась в том, что Офелии вообще ни к чему было охотиться за женихом. Она уже была помолвлена, хотя никогда не видела будущего супруга. Ее дебют стал лишь данью традициям: по крайней мере Сабрина так считала, пока не узнала, что ее новой подруге не слишком нравится будущий муж, найденный для нее родителями, и что та преисполнена решимости составить более выгодную партию. При этом Сабрина находила в высшей степени неприятным способ, с помощью которого Офелия собиралась достигнуть этой цели. Он заключался в том, что Офелия всячески чернила своего жениха перед всеми, кто давал себе труд выслушать ее, издевалась и оскорбляла беднягу. Но насколько Сабрина успела усвоить, именно так поступали все лондонские дамы, намеревавшиеся избавиться от нежеланного поклонника.

И как бы она сама ни жалела вышеупомянутого господина, который не мог достойно защититься и положить конец слухам, распространяемым Офелией, поскольку жил не в Лондоне, все же она считала, что не имеет права вмешиваться. А если все, что говорит Офелия о своем женихе, чистая правда? Откуда Сабрине знать?

Кроме того, мать Офелии – добрая приятельница тети Хилари и хозяйка дома, в котором они остановились. Вероятно, леди Мэри стоило бы узнать о проделках дочери, чтобы положить им конец, но Сабрина считала, что наушничать нечестно. Офелия так хорошо отнеслась к ней, представила своим друзьям... Нет, предать ее невыносимо. Кроме того, тетушки почему-то очень невзлюбили деда жениха...

Это было, на взгляд Сабирины, довольно странно, потому она и жалела незнакомого молодого человека. Собственно говоря, он был ее соседом, вернее, не он, а его дед, которого тетушки неизменно именовали «дряхлым болваном», «отшельником», а когда думали, что Сабрина не слышит, то и «старым убудком». Они были поражены, узнав, что у него есть внук, и неодобрительно качали головами, когда мать Офелии объявила о помолвке дочери с доселе неизвестным им наследником. Что еще за внук? В округе о нем не ведал ни один человек!

Однако, по словам леди Мэри, именно маркиз соизволил написать ее мужу и сделать предложение от имени внука. Риды, разумеется, обеими руками ухватились за столь удачную возможность получить славный древний титул для дочери. Импонировало им и то, что маркиз был довольно богат и завещал все свое состояние ближайшему родственнику. Только Офелия не проявляла никакого восторга по поводу выпавшего на ее долю счастья... вернее, Офелия и целый полк ее обожателей. А поклонников у нее и в самом деле было великое множество. Молодые люди вились вокруг нее, как пчелы у цветка. Да и могло ли быть иначе? Офелии выпало счастье родиться голубоглазой блондинкой. Кроме того, черты ее лица словно вышли из-под кисти художника, а сама она в отличие от матери была стройна, как тростинка!

К сожалению, Сабрина не могла похвастаться подобными достоинствами. Ростом она не слишком удалась, всего пять футов два дюйма, что было бы совсем не так плохо, не обладай она пышной грудью и довольно широкими бедрами, из-за чего талия казалась почти неестественно тонкой.

Но и это не беда, будь она блондинкой, как теперь модно. Увы, природа наградила ее гривой каштановых непокорных волос, без малейшего блеска. Вот только глаза... Глаза были ее особенностью. Радужка цвета весенней сирени была словно заключена в темно-фиолетовое кольцо, так что многие терялись, впервые увидев такое чудо.

Сабрине становилось не по себе, когда едва знакомые мужчины и женщины при первой встрече долго рассматривали ее, словно были не в силах поверить тому, что видят. В довершение ко всему лицо ее не было ни красивым, ни уродливым... «Невзрачным» – вот самое подходящее определение.

Собственно говоря, Сабрина ничуть не страдала по этому поводу... до тех пор, пока не встретила Офелию и не поняла, что такое истинная красота. Они отличались друг от друга, как ночь и день, и, возможно, именно поэтому, прибыв на бал, Сабрина сразу успокоилась и забыла все утренние волнения. Она была достаточно трезвым человеком, чтобы прийти к выводу: нет никакого смысла соперничать с Офелией. Осознав это, Сабрина сумела снова стать собой, а не той застенчивой неуклюжей серой мышкой, которой ощущала себя все это время.

Никто не знал, что под не слишком броской внешностью скрывается создание, обладающее восхитительным чувством юмора и умеющее донести этот юмор до окружающих. Она могла быть прямой, откровенной, даже дерзкой и одновременно беззлобно шутить над знакомыми и соседями. Сабрина обладала природным даром разгонять чужую тоску, облегчать боль и возвращать людям хорошее настроение. Живя с ворчливыми, вечно ссорившимися тетками, она в совершенстве овладела искусством успокаивать их – ее вмешательство всегда гасило огонь мелких дразг.

Джентльмены, приглашавшие Сабрину на танец этой ночью, вероятно, делали это лишь потому, что хотели больше узнать об Офелии и ее женихе. Но поскольку она не слишком хорошо знала Офелию и совсем плохо – ее нареченного, то далеко не всегда могла ответить на их вопросы. Зато она искрилась остроумием и заражала партнеров весельем. Некоторые даже пригласили ее еще раз именно по этой причине: она их забавляла. И в какой-то момент оказалось, что сразу трое поклонников оспаривают честь танцевать с ней.

К несчастью, Офелия тоже это заметила...

Глава 3

Офелия стояла на противоположном конце бальной залы в обществе трех ближайших подруг... вернее – двух и еще одной девушки, втайне презиравшей ее, но не находившей в себе сил отдалиться от нее, перестать греться в лучах ее неоспоримого успеха. Каждая из троицы была по-своему привлекательной, хотя до Офелии им было далеко, да и знатностью ни одна ее не превосходила. Она родилась дочерью графа, а у остальных титулы были менее блестящими. Но Офелия по природе своей не могла допустить, чтобы кто-то из ближайшего окружения затмевал ее происхождением и красотой.

Надо сказать, Офелия не подозревала о неприязни Мейвис Ньюболт. Правда, временами ее задевали уколы и язвительные замечания Мейвис, но она никогда не относилась к ним на счет зависти или антипатии. Да и как можно не любить ее, такую живую, веселую, ослепительную?

Она никогда не питала ни малейших сомнений относительно того, кто станет королевой нынешнего сезона и у чьих ног будут лежать самые завидные женихи столицы. Все они обожали ее. Но какой в этом смысл, если родители позволили маркизу Бирминдейлу соблазнить их чертовым титулом?!

Боже, как она ненавидела старого Невилла Теккерея за то, что вспомнил о ней! Ну почему этот человек выбрал именно Офелию для своего внука? Неужели лишь потому, что ее мать когда-то жила по соседству и была знакома с Невиллом? Лучше бы обратил взор на рас-трепу Сабрину, тем более что та по-прежнему обитала рядом! Но, разумеется, вполне понятно, почему Сабрину посчитали неподходящей партией для наследника Бирминдейлов! Офелия услышала историю семьи Ламберт от матери. Вероятно, все жители Йоркшира рано или поздно узнавали о позорном скандале, хотя произошел он давным-давно.

Ее родители настоящие идиоты! Офелия могла бы стать герцогиней! Такую внешность, как у нее, нечасто встретишь! Но они довольствовались простым маркизом! Ну уж нет, она не пойдет у них на поводу, во что бы то ни стало разорвет помолвку с наследником Бирминдейлов! Она выпутается из сетей этого брака! Господи милостивый, ведь ее жених даже не англичанин... то есть не чистокровный, разумеется. Неудивительно, что маркиз посчитал нужным лично выбрать невесту для внука – и это в то время, когда браки по договоренности стали вещью почти неслыханной. Его несчастный внук воспитывался среди варваров!

При одной мысли об этом Офелия вздрогнула. Что ж, если ей не удастся опозорить его и показать, что он может рассчитывать только на ее полнейшее пренебрежение, придется придумать другой способ избавиться от надоедливой болвана. Но Офелия готова биться об заклад, что к концу сезона у нее будет новый жених – куда богаче и знатнее!

Однако при виде новой подружки, как ни в чем не бывало болтающей с молодыми джентльменами, которых Офелия считала чем-то вроде своей собственности, ей стало не по себе. Вместо того чтобы увиваться вокруг Сабрины, им следовало бы молить о внимании ее, Офелию!

Она была так поражена, что не сдержалась и высказала свое отношение к происходящему, не опасаясь того, что это может не понравиться окружающим.

– Только взгляните! – прошипела Офелия, незаметно указывая на Сабрину и ее собеседников. – Интересно, о чем такая, как она, способна говорить с мужчинами, да еще и увлечь их до такой степени, что они не сводят с нее глаз?

– Она твоя гостья, Офелия, – напомнила Эдит Уорд, уловив нотки зависти в голосе подружки. За долгие годы дружбы она научилась смягчать приступы ревности хорошенькой дочери графа. Все девушки рано или поздно становились жертвами ехидного нрава Офелии. – Они, без всякого сомнения, хотят расспросить ее о тебе.

Офелия было утихомирилась, но тут Мейвис с притворной наивностью заметила:

– Похоже, она приобрела немало обожателей, но это и неудивительно. Никогда не видела таких необыкновенных глаз!

– Вряд ли эти странные глаза спасут положение, Мейвис, при такой заурядной физиономии и приземистой фигуре, – прошипела Офелия, немедленно, впрочем, пожалев об опрометчивом замечании, выдавшем ее истинные чувства. Поэтому она с вполне искренним, как ей казалось, вздохом добавила: – Впрочем, мне от души жаль бедняжку.

– Почему? Потому что она некрасива?

– Не только. В довершение ко всему в ее жилах течет дурная кровь. О господи, мне не следовало даже упоминать об этом! Умоляю, никому ни слова! Маму удар хватит! Что ни говори, а леди Хилари Ламберт – ее ближайшая подруга.

Поскольку всем было известно, как рассержена Офелия на мать, последнее замечание было по меньшей мере неуместным. Мейвис была готова побиться об заклад, что Офелия и глазом не моргнет, если мать свалится мертвой у ее ног. Просьба хранить молчание была тоже излишней, поскольку девушки, подражая собственным мамашам, только и жили пересудами. Разумеется, они перескажут всем знакомым слова Офелии. Сама Мейвис не выносила злословия, но оно являлось неотъемлемой частью жизни лондонского света, и ей приходилось с этим мириться.

– Дурная? – жадно подхватила Джейн Сандерсон. – Надеюсь, ты не имеешь в виду «изнанку одеяла»?¹

Офелия сделала вид, что задумалась, но, должно быть, решила еще немного поддержать подруг в неведении, потому что шепнула:

– Нет, куда хуже!

– Что может быть хуже? – удивились девушки.

– Все-все, я и так довольно наболтала, – без особого пыла отбивалась Офелия.

– Офелия! – укоризненно воскликнула Эдит, старшая из подруг. – Ты просто не имеешь права остановиться на половине пути.

– Ну, так и быть, – сдалась Офелия с таким видом, словно из нее клещами тянули правду, хотя в эту минуту ничто на свете уже не могло ее остановить. – Но это строго между нами. Я расскажу вам все только потому, что вы мои лучшие подруги. Надеюсь, вы будете немы как рыбы.

Дальнейший разговор велся шепотом. И если две простодушные приятельницы Офелии широко раскрывали глаза от удивления и громко ахали, то Мейвис, прекрасно изучившая Офелию, сильно сомневалась, стоит ли ей верить. Слишком часто Офелия лгала и готова была воспользоваться любыми средствами, чтобы получить желаемое. Очевидно, в эту минуту ей больше всего хотелось навеки погубить доброе имя Сабрины Ламберт и полностью уничтожить шансы этой девушки на удачное замужество.

Итак, эта красотка за один вечер ухитрилась очернить двух ни в чем не повинных людей. Мейвис искренне жалела обоих бедняг, ведь их вина заключалась лишь в том, что они имели несчастье возбудить неприязнь Офелии. Наследник Бирминдейла, вне всякого сомнения, выдержит и устоит против любого шторма. Ну станет он посмешищем общества из-за нападков Офелии, а ее сгорающие от стыда родители будут вынуждены разорвать помолвку, и что же? С его титулом и поместьями он быстро утешится и найдет новую невесту, ничем не хуже, если не лучше.

А вот несчастная мисс Ламберт... ее дело плохо. Дурная кровь – это дурная кровь, которая вполне может перейти к детям, а какой джентльмен захочет рисковать будущими наследниками? Жаль, очень жаль. Мейвис симпатизировала этой девушке, приятному, невинному милому существу, каких редко встретишь в Лондоне. Кроме того, стоило Сабрине перестать

¹ Подразумевается незаконное рождение. – *Здесь и далее примеч. пер.*

стесняться, как она делалась довольно остроумной и очень веселой. Нет, мисс Ламберт все же довольно мила. Мейвис чувствовала себя отчасти виноватой в выходке Офелии, поскольку именно она обратила внимание сплетницы на необычайно красивые глаза Сабрины.

Мейвис мысленно поморщилась. Придется, видно, искать новых приятельниц и собеседниц. Дружба с Офелией не приносит ей радости. Злобная тщеславная дрянь!

Мейвис от души надеялась, что Офелии все-таки придется выйти замуж за наследника Бирминдейла. И поделом ей, негоднице! Пусть получит мужа, которого сама же сделала посмешищем всего Лондона! Это послужит ей достойным уроком!

Глава 4

Горе путешественнику, которого застанет на чужой стороне такая ночь! Самая суровая ночь года, когда ветер бросает в лица пригоршни клубящегося снега и в двух шагах ничего не видно, даже зажженного фонаря. А холод! Сэр Генри Майрон никогда прежде не страдал от такого леденящего холода!

В Англии такая погода бывает крайне редко, поэтому он и не думал, что подвергнется испытанию более суровому, чем легкая поземка. Но здесь, на севере, в горах Шотландии, он, похоже, встретил свою погибель. Не попади он в метель, все равно погиб бы от холода. Сэр Генри не устал поражаться, как вообще люди способны выжить в таком ужасном климате. Если бы не неотложное дело, он ни за что не приехал бы сюда.

Наконец самая трудная часть дороги, узкая тропа через невысокую гору, была пройдена. Честно говоря, Генри не назвал бы это возвышение горой. Скорее, это гигантская скала, выпирающая из земли, без единой травинки, деревца, даже комка глины – просто голая гранитная глыба, преградившая путь. Единственный способ очутиться на другой стороне – вскарабкаться вверх, пешком или верхом.

Сэр Генри решил оставить экипаж у ближайшей церкви. К счастью, об этом препятствии на пути его заранее предупредил проводник, поэтому он взял с собой лошадь, чтобы преодолеть последний этап путешествия по узким стежкам.

Вероятно, им следовало бы остаться в этой церкви на ночь. Священники предлагали ночлег, но они, казалось, были так близки к концу утомительной поездки, что сэр Генри отклонил приглашение. Разумеется, тогда небо было еще ясным и ни о каком буряне не было речи. Только на перевале на них обрушилась вся ярость зимней стужи, а острые снежинки-льдинки стали жалить лицо и руки.

Генри встревожился, опасаясь, что они заблудятся и замерзнут, да так и останутся лежать в снегу до весенней оттепели. Кругом царил непроглядная тьма, но проводник упорно продвигался вперед, словно обладал зрением кошки. И, как выяснилось, он знал, куда идет...

Из вихрящегося облака неожиданно выступил большой каменный дом, и сэр Генри, не успев опомниться, очутился на крыльце. Проводник заколотил в дверь, но сэр Генри едва слышал грохот за воем ветра. Дверь распахнулась, на них повеяло теплом, и через мгновение их подвели к гостеприимно пылающему огню.

Бедняги настолько окоченели, что прошло довольно много времени, прежде чем они начали потихоньку оттаивать и трястись от ужасного озноба. Какая-то женщина хлопотала над ними, покачивая головой, цокая языком и что-то приговаривая. Кажется, она журила их за то, что они имели глупость отправиться в путь в такую выюгу. Сэр Генри с трудом разбирал обрывки слов, поскольку не вполне понимал шотландский диалект. Женщина накинула ему на плечи тяжелое шерстяное одеяло и сунула в онемевшие пальцы кружку с подогретым виски, знаком велев выпить все до последней капли, что он с радостью и сделал.

Некоторое время спустя сэр Генри даже начал робко надеяться, что он все-таки благополучно пережил тяжкое испытание – довольно болезненное открытие, когда ощущения стали потихоньку возвращаться в замерзшие ноги. Зато какое счастье сознавать, что все у тебя на месте!

Наконец он пришел в себя настолько, что смог оглядеться. И поразился до глубины души. Правда, он и сам не знал, что именно ожидал увидеть в доме богатого шотландского горца, к тому же в столь уединенном месте, но рассчитывал, что его взору предстанет нечто средневековое: древняя, обвалившаяся крепость или большая ферма, ведь Мактавиши испокон веков разводят овец, по крайней мере сэру Генри так сказали.

Однако его взору предстало нечто совершенно иное. Не совсем сельский особняк, каких немало в английских графствах, но что-то подобное. Возведен из камня – как известно, в Шотландии этого материала в изобилии – и обставлен богато, хотя помещение, которому следовало быть большой гостиной, все равно выглядит залом рыцарского замка. Архитектурный стиль мог бы считаться довольно современным, но можно было подумать, будто человек, построивший его, сделал это в знак протеста против того, что сам был воспитан в одной из старинных крепостей, и до сих пор не мог отрешиться от ощущения принадлежности прошлому.

Раскладные столы и деревянные скамьи теснились вдоль стен, оклеенных обоями с цветочным рисунком. Генри не сомневался, что мебель выдвигали на время ужина, чтобы все домочадцы, как в прежние времена, могли поместиться в одной комнате. На окнах висели не гардины, а нестриженные овечьи шкуры. Генри еще мог допустить, что кожи защищают от холода лучше, чем шелк и парча, но овечье руно?! Нигде не видно ни кресла, ни уютного диванчика, у камина стоят голые скамьи, а пол устлан сеном!

Сэр Генри долго удивленно осматривал столь необычную обстановку, прежде чем покачать головой. Значит, он все-таки прав: клан Мактавишей до сих пор живет по законам Средневековья.

К сожалению, поблизости не оказалось ни одного представителя этого славного рода, хотя час был не поздний. Большой парадный зал был совершенно пуст, если не считать женщины, вернувшейся с новыми кружками подогретого виски. Но на этот раз она была не одна. За ней следовал высокий молодой человек, дружелюбно кивнувший проводнику сэра Генри: очевидно, эти двое были знакомы, хотя проводник заверял, что никогда не бывал здесь раньше. Поздоровавшись с ним, незнакомец обратил взор на сэра Генри.

Хорошенько рассмотрев помещение, считавшееся, вероятно, по понятиям шотландцев, образцом современной гостиной, сэр Генри почти ожидал, что здешние обитатели будут закутаны в медвежьи или, вернее, овечьи шкуры. Ничего подобного: молодой человек был облачен в панталоны и фрак и вполне мог бы пройти по фешенебельному лондонскому кварталу, не привлекая особого внимания своей манерой одеваться. Другое дело – необычайно высокий рост и могучее сложение. Благодаря этому он выделялся бы в любой толпе.

Шотландец не соизволил поприветствовать гостя и, судя по его виду, был не особенно доволен неожиданным вторжением. Вполне возможно, он от природы был не слишком приветлив, но сэр Генри ужасно расстроился. Какой-то юнец, вдвое моложе его, смеет выказывать столь явное непочтение! Впрочем, ничего удивительного. Шотландские горцы ничуть не похожи на смирных, дружелюбных жителей равнин, привыкших иметь дело с англичанами. Здесь же, в этой глуши, об общественном прогрессе было невозможно и помыслить, да и погода мало способствовала общению с чужаками. Многие северные кланы влачили такое же существование, как и столетия назад, безропотно перенося трудности и полностью подчиняясь главе.

Правда, лорд Арчибальд Мактавиш был главой не всего клана, а лишь его малой ветви и к тому же до сих пор не обзавелся наследником, ибо пережил четверых своих сыновей. Именно по этой причине хозяин дома вряд ли обрадуется визиту сэра Генри. Хорошо, если он не выкинет гостей из дома в самый разгар бурана, когда узнает, что привело их сюда.

Но пока молодой хозяин, так и не потрудившийся отойти от двери, понятия не имел о цели приезда гостя, так что причина столь холодного приема оставалась сэру Генри непонятной: то ли он от рождения такой грубиян, то ли просто не выносит англичан. А женщина наверняка уже успела сообщить шотландцу, что сэр Генри англичанин: недаром после разговора с ним немедленно привела этого мальчишку.

И тут шотландец в несколько шагов очутился в центре комнаты. Едва свет камина и двух факелов, горевших по обе стороны каминной доски, упал на его лицо, Генри сразу понял, что хозяин не так молод, как ему показалось вначале. Да ему лет двадцать пять, не меньше! По

крайней мере во всем его облике сквозит зрелость истинного мужчины, пусть издалека он и кажется юнцом.

– Не будь с вами этого паренька, – бросил он с легким шотландским акцентом, кивнув в сторону проводника, – вряд ли вы добрались бы сюда. Итак, что нужно сассенаху² от Арчи Мактавиша?

Сэр Генри поспешил представиться, стараясь выражаться официально и сухо, как подобало в данном случае:

– Я здесь по делу важному и весьма неотложному, сэр. Видите ли, лорд Невилл Теккерей соизволил нанять меня в качестве поверенного и послал сюда с поручением. Лорд Теккерей – это...

– Я прекрасно знаю, кто такой Теккерей, – нетерпеливо перебил его шотландец. – Значит, он все еще жив?

– Э-э-э... да, по крайней мере был жив, когда я покидал Англию. Но трудно сказать, долго ли он протянет. Видите ли, последнее время он не совсем здоров, а в его преклонном возрасте каждую минуту можно ожидать худшего.

Молодой шотландец коротко кивнул и неожиданно предложил:

– Пойдемте в мой кабинет, там теплее. Здесь чертовски сквозит.

– Ваш кабинет?! – выпалил сэр Генри, не скрывая изумления.

Незнакомец вопросительно приподнял брови, но, тут же сообразив, в чем дело, рассмеялся:

– Только не говорите, что и вы попались на удочку старого лиса Арчи.

– Удочка? В чем, собственно, дело? – сухо отозвался сэр Генри, не привыкший быть объектом шуток.

– Да в этой вот комнате, – пояснил незнакомец с ухмылкой. – Он требует, чтобы всех вновь прибывших провожали сюда, а не в... менее романтическую часть дома. Считает ужасно забавным водить их за нос, а потом допытываться, что они о нем думают.

Генри залился краской, поняв, что его и в самом деле провели.

– По-видимому, этой комнатой почти не пользуются... кроме как для того, чтобы дурачить гостей.

– О нет, сюда переводят маток с ягнятами, когда начинается метель и в овчарне не хватает места. И разумеется, во время сезона стрижки. Когда отовсюду съезжаются Мактавиши, необходимо помещение побольше, чтобы всех накормить, а тут можно усадить хоть целый полк.

Сэр Генри так и не понял, дурачат его или нет, но предпочел не выяснять этого, тем более что после упоминания о теплом кабинете готов был идти за незнакомцем хоть на край света.

Оказалось, что остальная часть дома в самом деле обставлена вполне традиционно, модной удобной мебелью. Если бы сэр Генри так не торопился к камину, а коридор был освещен получше, он наверняка заметил бы это еще до того, как вошел в странное помещение со шкурами на окнах. Но теперь, когда в передней на столе горела лампа, можно было видеть, что меблировка дома вполне соответствует общему стилю величественного здания.

Кабинет, куда ввели сэра Генри, оказался маленьким, но чистым и уютным. В углу горела большая жаровня: очевидно, приезд нежданного гостя оторвал шотландца от работы. Сэр Генри решил, что молодой человек – доверенное лицо или управляющий имением Арчибальда Мактавиша, поэтому его и послали встретить приезжего. Памятуя о том, к скольким неверным выводам уже успел прийти, поверенный поторопился узнать имя горца сразу после того, как устроился в мягком кресле напротив бюро.

² Так шотландцы и ирландцы называют англичан.

Однако ответ «я, разумеется, тоже Мактавиш» ни о чем ему не сказал, тем более что в этих местах каждый второй, вероятно, носил такую фамилию. Сэр Генри слишком устал и промерз, чтобы требовать дальнейших объяснений.

– Лорду Арчибальду уже сообщили о моем приезде? – осведомился он.

– Старик давно третий сон видит. Он ложится с петухами и поднимается до восхода солнца. Но вы вполне можете сказать мне, что привело вас сюда, а я ему передам.

Очевидно, молодой Мактавиш действительно управляющий или секретарь и ведет дела сэра Арчибальда, поскольку обзавелся собственным кабинетом. Сэр Генри не видел причин скрывать от него цель своего визита.

– Я здесь для того, чтобы забрать с собой и увезти внука сэра Невилла.

Как ни странно, это откровенное заявление позабавило горца: уголки губ чуть приподнялись, совсем чуть-чуть, но сэр Генри сразу это заметил. Да и в голосе собеседника зазвучали шуточные нотки.

– Неужели? – протянул он. – А если этот внук не хочет, чтобы его забирали и увозили?

Сэр Генри тяжело вздохнул. Поделом ему за то, что не пошел к главе дома, а начал распинаться перед жалким служащим!

– Пожалуй, мне в самом деле стоит обсудить это с лордом Арчибальдом, – объявил он.

– Вы так считаете? А не думаете ли вы, что его внук, достигший совершеннолетия, вполне способен сам решить свою судьбу?

К этому времени сэр Генри был уже так измучен, что дал волю раздражению.

– Тут нечего решать, молодой человек, – отрезал он. – Обещание было дано, и теперь лорд Невилл требует его выполнения.

Услышав это, молодой человек резко выпрямился и угрожающе свел брови:

– Какое еще обещание?

– Лорду Арчибальду это известно, как и то, что настало время...

– Какое... еще чертово... обещание?! Я и есть внук Арчи, да и Теккерей тоже, и мне виднее, как поступить!

– Вы и есть Дункан Мактавиш?!

– Да, и вы немедленно объясните мне, какого дьявола все это значит!

Глава 5

– Господи, неужели вам до сих пор не сказали?

Дункан вскочил как ошпаренный и, опершись о бюро, заорал едва не во весь голос:

– А что, разве похоже, будто я знаю, о чем вы тут толкуете?!

Сэр Генри не верил собственным ушам. Насколько ему было известно, Дункану исполнился двадцать один год! И за все это время никто, даже родители, не позаботился просветить его? Лорд Невилл ни о чем подобном не предупреждал. Оставалось гадать, в курсе ли этих странных событий наниматель сэра Генри!

Поверенный упрекал себя в том, что сразу не догадался, кто перед ним. Стоит лишь заглянуть в глаза этого человека. Они были той же полумночной синевы, как и у лорда Невилла! А нос! Та же аристократическая горбинка, что и на фамильных портретах Теккереев, висевших в галерее Саммерс-Глейд! На этом сходство с маркизом, однако, кончалось. Генри не знал лорда Невилла в молодости, зато видел миниатюру, где того изобразили в возрасте Дункана, и можно было с уверенностью утверждать, что во внешности Невилла Теккерее, четвертого маркиза Бирминдейла, не было ничего особенно выдающегося. Обыкновенный, довольно невзрачный молодой человек из хорошей семьи. С годами он не стал красивее и теперь, на пороге восьмидесятилетия, был почти уродлив. Но вот о его внуке такого не скажешь!

Должно быть, рост и силу Дункан унаследовал от Мактавишей вместе с темно-рыжими волосами. И негодник красив, очень красив грубоватой мужской красотой. Именно эта мощь в сочетании с суровой мужественностью делала его старше. Не знай сэр Генри, сколько в действительности лет Дункану, посчитал бы, что он уже достаточно умудрен жизнью. Возможно, горцы просто рано взрослеют, чему причиной нелегкие условия жизни в этом холодном уголке земли, затерянном на краю света.

Но как теперь отвечать на вопросы Дункана? Жаль, что Арчибальда Мактавиша нет рядом! Уж он-то знал о договоре, от первого пункта до последнего. Недаром после обмена письмами, при котором обе стороны не стеснялись в выражениях, они наконец пришли к соглашению. Мактавишу следовало с самого начала открыться молодому Дункану.

– Клятва была дана вашей матерью еще до того, как вы родились, – наконец выдал сэр Генри. – Иначе ей не позволили бы выйти замуж за вашего отца. Но она сделала это с радостью и по собственной воле. Видите ли, она очень любила своего жениха. И в то время никто не подумал возражать против договора: ни ваш отец, готовый на все, лишь бы добиться возлюбленной, ни его родитель, сэр Арчибальд.

– Сэр Генри, если вы немедленно не выложите, в чем суть этого проклятого обещания, я собственноручно и незамедлительно выкину вас на улицу! – заявил Дункан. Его лицо при этом оставалось бесстрастным, но сэр Генри ни на секунду не усомнился в правдивости каждого слова. И вряд ли стоит винить молодого человека за такую непочтительность. Ну почему от него все скрыли?

– Вы или, вернее, первенец вашей матери, коим оказались вы, должны стать наследником лорда Невилла, поскольку своих сыновей у него нет и не было.

Дункан почти рухнул на стул.

– И это все?

Сэр Генри никак не мог сообразить, как уговорить парня. Любой другой на его месте наверняка посчитал бы этот день счастливейшим в жизни! Еще бы! Стать наследником богатого знатного аристократа, превратиться из деревенского мальчишки в маркиза Бирминдейла!

Но поверенный знал также, как горцы относятся к англичанам, а Дункан Мактавиш – настоящий горец. Кроме того, он никогда не видел своего деда, сэра Невилла, и нога его не ступала на землю Англии.

– Надеюсь, вы понимаете, какая это великая честь, лорд Дункан? – попытался выполнить свой долг сэр Генри.

– Никакой я не лорд, и прекратите величать...

– С этого момента – лорд, – возразил поверенный. – Титул перешел к вам вместе с помещением...

– Черта с два! – взорвался Дункан, снова вскакивая. – Никто не превратит меня в сассе-наха только потому, что это взбрело в голову какому-то старикашке!

– Но вы наполовину англичанин, – настаивал сэр Генри. В награду он получил такой презрительный взгляд, что даже поежился.

Однако Дункан уже успел обрести хладнокровие. Просто удивительно, как быстро удастся взять себя в руки столь молодому человеку!

– Надеюсь, вы понимаете, что я имею полное право отказаться и от титула, и от поместья? – спросил он.

– А вы? Неужели еще не осознали, что все-таки станете маркизом Бирминдейлом?

Последовало долгое, неловкое, по крайней мере для сэра Генри, молчание.

– В таком случае, – процедил наконец Дункан, – зачем вы явились сюда, если, по вашим словам, маркиз не умер?

– Вы стали совершеннолетним. Ваша мать заверила, что именно в двадцать один год вас отошлют к сэру Невиллу, если тот еще будет жив, с тем, чтобы дедушка смог наставить вас в ваших обязанностях. Он намерен убедиться перед неминуемой кончиной, что вы остепенились и устроены, как подобает маркизу.

– Устроен?

– Женаты.

– Полагаю, он успел выбрать мне невесту? – саркастически осведомился Дункан.

– Собственно говоря, так и есть, – с величайшей неохотой признался сэр Генри.

И тут Дункан, наконец не выдержав, залился смехом.

Глава 6

Дункану действительно стало весело еще и потому, что он не считал нужным подчиняться чьим-либо повелениям, а тем более наглому старикашке, вообразившему, что может управлять внуком, как марионеткой! Невилл Теккерей волен выбрать ему хоть десяток невест, но кто может заставить его жениться? Он сам себе господин. Если Невилл желает командовать им, как утверждает поверенный, следовало привезти его в Англию раньше, когда он еще не имел права принимать самостоятельные решения.

И вообще вся ситуация крайне неправдоподобна, если не сказать абсурдна. В тот день, когда Дункану исполнилось восемнадцать, Арчибальд передал в его руки управление фермами, рудниками и другой собственностью Мактавишей. Зачем это понадобилось ему, если было известно заранее, что вскоре его внук покинет Шотландию? Глупейшая клятва дана до рождения Дункана, и всем это известно, кроме него самого. Невероятно!

Дункан ничего не имел против англичан, ведь его мать была родом из этой страны. Правда, после того как она приняла фамилию Мактавиш, об этом почти забыли. Но общая атмосфера неприязни и недоверия к англичанам, в которой он вырос, конечно, повлияла и на него. И теперь от него требуют уехать в Англию? Жить там? Даже жениться? Будь он проклят, если пойдет на это!

Веселье его продлилось недолго. Как только Дункан препоручил коротышку-англичанина экономке и велел проводить в спальню, на него навалилась глухая тоска. Он провел ночь без сна, попеременно злясь и удивляясь бесцеремонности людей, вообразивших, что имеют право распоряжаться судьбой близкого им человека. Наконец под утро он сообразил, что Арчибальд скорее всего давно составил план, как избежать его отправки в далекую Англию. Наверняка так и есть, не может быть, чтобы Арчи равнодушно позволил Дункану уйти из его жизни! Что ж, завтра, с утра пораньше, он все выведает у деда.

Как и ожидал молодой Мактавиш, Арчибальд появился на кухне с первыми лучами солнца. Дункан по обычаю присоединился к деду. Оба вставали чуть свет и завтракали на кухне, самой теплой комнате в доме. Есть в столовой они не любили: по огромному помещению из угла в угол гуляли сквозняки.

Обычай этот укоренился четырнадцать лет назад, когда погиб последний из четверых сыновей Арчибальда, отец Дункана. Двое старших умерли по чистой случайности, остальные – по воле бушующей природы. Родители Дункана отправились на небо вместе. Они отплыли во Францию, чтобы подписать контракт на торговлю шерстью с ферм Мактавишей. Совсем короткая поездка... но грозный шквал налетел столь неожиданно, что судно не смогло добраться до французского порта.

Дункану тоже предстояло плыть на этом корабле, но вмешалось провидение в образе страшного приступа морской болезни, начавшегося еще до того, как успели поднять паруса. Арчи, приехавший проводить сына с невесткой, настоял, чтобы внука оставили с ним. Дункан помнил, как огорчился в тот день. Он ужасно хотел увидеть Францию. Для семилетнего мальчика это было бы первым увлекательным путешествием. Теперь ясно, что оно стало бы и последним.

Два других сына Арчибальда были женаты, но их дети либо умирали во младенчестве, либо рождались мертвыми, так что после кончины мужей его снохи вернулись к родителям. Самый младший стал священником и случайно свалился с крыши церкви, которую пытался починить.

И Дункан, и Арчи пережили немало трагедий. Тем более удивительно, что глава клана не ожесточился и не озлобился. Он даже не казался дряхлым, хотя окружающие называли его стариком. Арчи рано женился, и все дети были погодками, родившимися в первые несколько

лет после свадьбы. Жена, вероятно, подарила бы ему еще детишек, если бы сама не скончалась при родах. Второй раз Арчи так и не женился, хотя вполне мог бы найти себе невесту даже в шестьдесят два года. В его рыжих, немного потускневших волосах почти не было седины, а борода придавала ему представительный вид, по крайней мере когда он давал себе труд как следует ее расчесать. Но теперь, передав бразды правления Дункану, он редко покидал дом, а поэтому не считал нужным следить за собой. Зная, что производить впечатление ему не на кого, если не считать поварихи, с коей он давно флиртовал, но которая, к сожалению, никогда не принимала хозяина всерьез, Арчи частенько целыми днями бродил по дому в халате. Удивительно, но сегодня он был тщательно одет, умыт и причесан, хотя смотрел исподлобья и недовольно морщился. Дункан заключил, что деду уже известно о появлении поверенного. Прекрасно. Значит, можно сразу переходить к делу, не дававшему ему покоя со вчерашнего вечера.

– Почему ты не сказал мне, Арчи?

Старший Мактавиш раздраженно передернул плечами, но вовсе не потому, что Дункан назвал его по имени. Дед не усматривал в этом непочтительности. И он не пытался уклониться от ответа, притворившись, будто не понимает, о чем толкует внук.

– Не хотел, чтобы ты раньше времени разрывался в своих привязанностях между Англией и Шотландией.

– Разрывался? Что за вздор! Ты отлично знаешь, где мой родной дом. Так было, есть и будет.

Арчи довольно заулыбался, но тут же вздохнул:

– Пойми и ты меня, парень. Мой Доналд потерял голову от любви к твоей матери. Был готов на все. И думать не желал о том, что она англичанка. Девушка была совсем молодой, еще восемнадцати не исполнилось. А ее отец рвал и метал, когда она без памяти влюбилась в Доналда. И к тому же он не хотел отпускать ее так далеко от дома. Маркиз любил девочку и, понимая, что ее сердце будет навеки разбито, если он не даст согласия на этот брак, наконец сдался. Но он потребовал, чтобы наследника Доналда, моего наследника, отослали к нему по достижении... совершеннолетия. Только дав такое обещание отцу, твоя мать смогла выйти замуж за Доналда.

– Я понимаю, отчего она дала клятву, но в толк не возьму, почему мне об этом не сказали ни слова.

– Честно говоря, парень, я все время надеялся, что старый ублюдок давно в могиле, а его поверенные ничего не знают о тебе. Наверняка у него есть и другие родственники, кому можно передать чертов титул. Но нет, этот сассенах еще нас с тобой переживет!

Последние слова Арчи произнес с таким отвращением, что Дункан засмеялся бы, не будь положение столь серьезным. Кроме того, он еще не услышал, каким образом Арчи собирался его отстоять.

– А мать? – напомнил он деду. – Почему она держала это в секрете от меня?

– Ты был слишком мал, когда она погибла. Мать непременно все объяснила бы тебе, осталась она в живых. Кроме того, она с радостью дала это обещание. Не забывай, она была англичанкой и гордилась, что следующим маркизом Бирминдейлом будет ее сын. Бедняжка почитала титулы, как все сассенахи.

– Но тебе все же следовало рассказать мне, Арчи. Не стоило ждать до того дня, когда за мной явятся, чтобы увезти насильно. И что теперь делать с тем англичанином, который спит наверху? Он уверен, что я поеду с ним.

– Но ты действительно поедешь с ним!

– Этому не бывать! – взревел Дункан, взметнувшись со стула так быстро, что испуганная кухарка уронила нож – он едва не воткнулся ей в ногу.

Старушка пронзительно взвизгнула и обожгла Дункана негодующим взглядом. Но тот ничего не заметил, ибо в это самое время злобно смотрел на деда. Арчибальд мудро опустил глаза.

– Хочешь сказать, сам не знаешь, как нам выпутаться? – возмутился Дункан. – Ни за что не поверю. Интересно, как ты тут без меня справишься?

– Обходился же я как-то, когда ты был маленьким! Не настолько я стар...

– Ну и загонишь себя в могилу прежде времени...

Арчи усмехнулся:

– Не думай, что я передал все в твои руки, потому что рвался уйти на покой. Нет, просто тебе требовалось приобрести опыт, парень, а это лучший способ его получить.

– Но зачем? Чтобы я мог применить его в поместьях чертова маркиза?

– Нет, чтобы ты мог передать знания своему сыну.

– Какому еще сыну?!

Глава 7

Оказалось, что старики несколько лет обменивались письмами, горячо спорили и никак не могли прийти к соглашению. Все это Арчи объяснил Дункану, который в расстройстве отказался от поставленного перед ним завтрака и потребовал у кухарки глоток виски, не обращая внимания на укоризненные взгляды старушки, не терпевшей, когда с утра пили спиртное. В довершение всего спор шел не о том, отправляться ли Дункану в Англию, а о том, чьим наследником станет его первенец.

– Кто-то должен следить за здешним хозяйством, – оправдывался Арчи. – Не разорваться же тебе. В Англии дел полно, но и тут их немало. Одному человеку со всем не справиться, и тебе придется постоянно ездить туда и обратно, а это не всякому под силу.

Дункан узнал, что оба старика желали его немедленной женитьбы с тем, чтобы сын родился уже в следующем году. При этом обоим было совершенно безразлично, как к их планам отнесется Дункан. Самое главное, что справедливость в их понятии восторжествовала: раз Невилл получает внука, значит, Арчи передаст имущество правнуку.

Выслушав все это, Дункан почти решился сесть на первое попавшееся судно, отправиться на край света – и черт с ними, с этими старыми самодурами! Но он любил Арчи и, хотя злился на него, не мог хладнокровно разбить сердце деда.

Подумать только – его бесцеремонно лишили свободы выбора, заранее определили, каким путем идти, и потребовали выполнять чужие приказы! Получи Дункан иное воспитание, это, вероятно, ничуть его не волновало бы, но шотландцы – народ независимый и неукротимый. Поэтому Дункан до сих пор не мог поверить, что Арчи действительно намеревался исполнить чертову клятву. Одно дело – дать ее, чтобы достигнуть цели и добыть Доналду невесту, и совсем другое – честно держаться своего слова.

Он получил ответ на свои сомнения, когда прямо спросил деда:

– А что, если я откажусь ехать?

Арчи тяжело вздохнул.

– Я любил твою мать, как собственное дитя, – грустно признался он. – Не думал, что буду так относиться к англичанке. Но милее и добрее девочки на свете не было, и она тоже привязалась ко мне. Я понял давным-давно, еще когда она была жива, что не опозорю невестку, пойдя на попятную. Даже после ее кончины, когда все зависело от меня, я так и не сумел отказать ее отцу.

– Но ты забыл обо мне, Арчи. Неужели мои желания ничего не значат?

– Ты ведь тоже любил мать и не запятнаешь ее памяти, верно?

Дункан не ответил. Да и что говорить, когда Арчи прав? Но в этот момент он ненавидел мать за то, что поставила его в столь ужасное положение, и сознание свершившейся несправедливости душило его.

Молчание внука несколько ободрило Арчи.

– Ты пока еще не понял, чего я добился, оставив тебя здесь до совершеннолетия. Если бы Невилл призвал тебя к себе, как намеревался, три года назад, ты полностью оказался бы в его власти. Теперь же он увидит, что с тобой не так легко сладить и ты не собираешься во всем ему потакать. Ради своей матери ты примешь на себя всю тяжесть обязанностей будущего маркиза, но при этом многое сделаешь по-своему – как пожелаешь, а не как велит Невилл.

Старый Мактавиш долго утешал внука, но цели не добился. Дункан хотел одного: пинками вышибить ни в чем не повинного Генри Майрона из дома и гнать до самой границы с Шотландией. Мысль эта казалась ему настолько привлекательной, что он едва не выбежал из кухни, чтобы немедленно ее осуществить. Разве он не прав? Ни мать, ни дед не подумали при-

нять в расчет его желания. Всю свою жизнь Дункан провел в горах. Как они могли вообразить, что он захочет перебраться куда-то еще?

Но если один раз Арчи провел Невилла Теккерей, то это можно сделать еще раз. Дункан решил все узнать поподробнее. Поэтому он поднял стул и уселся.

– Итак, как тебе удалось оттянуть мой отъезд?

Арчи, гордый собой, широко улыбнулся:

– Прежде всего я напомнил ему, что ты и мой наследник, а поскольку ты живешь у меня, пусть он попробует явиться и отобрать тебя! Черта с два у него это получилось бы.

– И это несмотря на то что ты уже решил принести меня в жертву? – с горечью пробормотал Дункан.

– О-о-о, парень, не стоит расстраиваться! Я, конечно, блефовал, но он-то этого не знал. Целых полгода мы обменивались угрозами и оскорблениями, потом еще девять месяцев ругались и спорили, и наконец я объявил, что удовольствуюсь твоим первенцем, которого он тоже сначала не хотел отдавать. Похоже, старик рассчитывал, что, если ты не сумеешь стать достойным, по его мнению, преемником, он успеет воспитать твоего парнишку по своему образу и подобию. Но, по правде говоря, маркиз уже плохо соображает, если не понял, что не доживет до того времени, когда получит возможность начать это самое воспитание.

– А ты? Думаешь, ты доживешь?

Арчи лукаво усмехнулся:

– Вижу, ты еще не понял, в чем твоя выгода, малыш! Разве плохо, если твоему сыну перейдут мои владения? Ему же будет лучше, если он приедет сюда как можно раньше и начнет учиться вести хозяйство. Кроме того, я переживу старого ублюдка Теккерей на много-много лет, и ему это известно.

– Итак, свара продолжалась пятнадцать месяцев, – напомнил Дункан. – Как же тебе удалось вымолить еще полтора года?

– Ну... видишь ли... разговор о детях, естественно, привел к теме выбора невесты. Он настаивал, чтобы ты женился на англичанке, и ни за что не хотел уступать. Стоял как скала, так что прошло еще почти полгода, прежде чем мы... это самое... пришли к согласию. Ну, а потом я потребовал, чтобы девушка была прекраснее утренней зари, и ему стоило немалых усилий отыскать такую.

– Английская леди, полагаю?

– Да, – усмехнулся Арчи, – поэтому он так долго и перебирал невест. Титулованная красавица... Такую нелегко найти.

– Все это пустая трата времени, – заключил Дункан. – Я, разумеется, могу отправиться в Англию, но никто не заставит меня жениться на выбранной кем-то особе, которую я к тому же в глаза не видел.

– Не забивай себе голову пустяками, парень. Я требовал искать невесту, поскольку это был отличный предлог оттянуть твой отъезд. Пока Теккерей присматривался к юным английским леди, ты спокойно жил в родном доме. Если ты из чистого упрямства не захочешь идти к венцу с первой красавицей Англии, будь по-твоему. Никто тебя не заставит... ну... кроме старого Невилла, разумеется. Но, как я уже сказал, ты достаточно взрослый, чтобы настоять на своем.

– Все это не имеет ничего общего с упрямством, – раздраженно возразил Дункан, не замечая при этом, что почти кричит.

– Ну, конечно, разве я спорю? – снисходительно-покровительственным тоном, словно говоря с ребенком, согласился Арчи, за что и получил в награду негодующий взгляд внука.

– Я сам найду себе жену, как всякий уважающий себя мужчина, как сделал это ты.

– Очень рад это слышать. Но зачем сжигать мост, который ты еще не успел перейти? Прежде чем отвергать девушку, найденную Невиллом, хотя бы взгляни на нее. А вдруг она тебе понравится? Ну, а если нет, по крайней мере попытайся подобрать себе другую.

– Я ничего не имею против брака, Арчи, – заверил деда Дункан, – но не находишь, что я еще слишком молод, чтобы думать о семье?

– А вот я уже довольно стар и, хотя наверняка переживу Невилла и найму кого-нибудь помогать по хозяйству в твое отсутствие, все же буду рад уйти на покой, передав дело в руки твоего сына.

Это, очевидно, означало, что старики пришли к безоговорочному согласию во всем, что касалось Дункана, включая немедленную женитьбу. Надо же – это одно из главных событий в жизни внука, а они буквально загоняют его в ярмо, не думая о последствиях.

Презрительно поморщившись, Дункан вышел из кухни. Он поедет в Англию. Ну а дальше... посмотрит. Может, милый дедушка Невилл обнаружит, что не так уж и рад видеть своего внука!

Глава 8

Дункан растерянно оглядывался по сторонам. Никогда в жизни он не бывал в таком унылом, мрачном, заброшенном месте. Вероятно, причиной тому было толстое покрывало тумана, поднимавшегося на несколько футов над землей. Деревья тянули голые сучья-руки к пасмурному небу. То ли они засохли, то ли просто сбросили листву. А может, тут так неуютно из-за холода раннего утра? Солнце еще не успело подняться. А вдруг скоро станет тепло и светло и тогда все покажется ему иным?

Но в глубине души Дункан сомневался, что веселые солнечные зайчики или зеленая травка, если таковая даже и появилась бы в это время года, способны развеять его тоску. Он настроился возненавидеть Саммерс-Глейд и теперь с какой-то угрюмой радостью отдавался этому чувству.

Сэр Генри торопил Дункана, желая добраться до места как можно быстрее, что было несложно, поскольку от постоянного двора, где они заночевали, до поместья было не более двадцати минут езды труссой. Однако Дункан не собирался знакомиться со своим английским дедом вечером, после целого дня утомительного путешествия. Нужно хорошенько отдохнуть, чтобы при первой встрече держать ухо востро и не думать об ужине и теплой постели. Правда, он не ожидал застать Невилла Теккерея еще в кровати, что несколько охладило его пыл, поскольку молодой шотландец был исполнен воинственного духа и готовился к схватке. Несмотря на зловещий вид, дом был вовсе не заброшен, как втайне надеялся Дункан, наоборот – в комнатах сновали слуги, их хватило бы на десять семейств. Неужели все они тут, чтобы служить дряхлому старику? Не слишком ли их много?

Дункан мысленно одернул себя. По справедливости говоря, дом деда довольно велик, так что лишняя челядь не помешает. Кроме того, англичане в отличие от шотландцев куда более избалованны, а уж о знатных лордах, вроде Невилла Теккерея, и говорить не приходится. Они рады бросать деньги на ветер, нанимая трех лакеев там, где и один справился бы.

Обстановка особняка поражала роскошью. Мебель, насколько мог заметить Дункан, была в старом французском стиле: хрупкая, изящная, с позолотой и изогнутыми ножками, хорошо сохранившаяся, но с таким количеством медальонов и резьбы, что выглядела несколько безвкусно.

Зеркала и картины были заключены в тяжелые позолоченные рамы, на огромных хрустальных люстрах позвякивало столько подвесок, что любой, имевший несчастье засмотреться на них, когда горели все свечи, непременно ослеп бы. В каждой комнате стояли цветы: очевидно, где-то поблизости была оранжерея.

Такого блеска Дункан не ожидал. Судя по серому, исхлестанному ветрами фасаду особняка, старик должен был окружить себя простой, незатейливой тяжелой мебелью, а уж никак не фривольным декором прошлого столетия.

Но с другой стороны, тут не было ничего странного, ведь Невилл действительно жил в прошлом веке и мог привыкнуть к вычурной обстановке, в которой родился и вырос. Дункан ничуть не удивился бы, появившись его дед в дурацком пышном парике по моде давно забытых лет.

Он был страшно удивлен, когда высокомерный дворецкий препоручил его заботам младшей горничной, которая, в свою очередь, адресовала его к старшей горничной, и наконец спокойная рассудительная экономка проводила его в спальню. Подумать только: одним гостем занималось сразу четверо слуг! Дункан с трудом сдержал смех, когда экономка почтительно присела перед ним и повела по коридору. Господи, да достаточно было бы всего лишь указать ему дорогу!

Но церемонии на этом не закончились. В спальню впорхнула еще одна служанка, она разожгла огонь в камине. Затем появилась другая, с горячей водой и полотенцами. По ее пятам

шествовала третья, с большим блюдом закусок: печенье, колбаски, сладкие пирожки, чайник и кувшинчик с шоколадом. Не прошло и десяти минут, как на пороге возникла четвертая – узнать, не нужно ли чего молодому хозяину.

И в довершение ко всему прямо из воздуха материализовался Уиллис, тощий коротышка средних лет, с редкими каштановыми волосенками и карими глазками-пуговичками, гордо объявивший, что именно ему выпала огромная честь стать камердинером будущего маркиза. И если Дункан посчитал здешнего дворецкого надменным болваном, то теперь обнаружил, что вид у его собственного камердинера еще более спесивый. И чего тут чваниться?

Мактавиш был не настолько невежествен, чтобы не знать, для чего нужны камердинеры. Но он просто потерял дар речи от изумления, когда увидел, как кто-то распаковывает за него чемодан, чемодан, который Уиллис силой отнял у лакея, чтобы лично принести наверх. Не успев прийти в себя, чтобы отослать новоявленного помощника, Дункан услышал удивленное:

– Это юбка, милорд?

– Это килт, болван! – взревел Дункан, багровый от такого оскорбления.

Уиллис же, не теряя хладнокровия, покачал головой, неодобрительно поцокал языком и, тщательно сложив, поместил килт в комод. Дункан молча уставился на него. Мало того что этот тип ничего не смыслит в одежде настоящего шотландского мужчины, так ему еще и нипочем его яростный взрыв?! Ну он ему покажет!

Стиснув кулаки, Дункан сухо процедил:

– Вон отсюда!

Ему наконец удалось обратить на себя внимание камердинера, но и тут Уиллис оказался на высоте.

– Милорд? – только и обронил он, обратив на хозяина недоумевающий взгляд.

Дункану волей-неволей пришлось пояснить:

– Видишь ли, у меня никогда в жизни не было камердинера, я и впредь не собираюсь его заводить.

Но Уиллис не оскорбился и не исчез после такого решительного заявления. Он снова прицокнул и объявил:

– В конце концов, не ваша вина в том, что вы родились именно в той варварской стране, но теперь вы, слава богу, в Англии и наверняка захотите, чтобы все было как полагается.

– Да неужели? – грозно прошипел Дункан.

– Ну, разумеется, в этом нет ни малейшего сомнения. Поверьте, вам без меня не обойтись. Любому джентльмену благородного происхождения и в голову не придет одеваться собственноручно.

– Никакой я не джентльмен, не милорд и вполне способен одеваться сам, черт побери! А теперь убирайся, пока я не вышвырнул тебя вон!

Только теперь Уиллис, очевидно, принял его слова всерьез и запаниковал:

– Неужели вы вправду выгоните меня, милорд? Тогда мне плохо придется!

– Но ты мне ни к чему!

– Ни одна живая душа этому не поверит, – вздохнул Уиллис. – Все посчитают, что я не угодил вам, и у меня не останется ни единого шанса когда-нибудь занять такую же важную должность. Со мной будет навсегда покончено, милорд, если придется вернуться в Лондон.

Дункан мог бы поклясться, что нижняя губа бедняги жалостно дрогнула. Он тяжело вздохнул. От природы не злой человек, он просто хотел идти по жизни своей дорогой и не терпел ничьего вмешательства. Однако Дункан не желал, чтобы из-за него с кем-то «было покончено».

Дьявол, до чего же ему не по душе компромиссы и уступки!

– Так и быть, – сдался молодой Мактавиш, – можешь чистить и гладить одежду, но одевать меня не смей, ясно?

– Спасибо, милорд, – воспрянул духом Уиллис, мгновенно возвращаясь к прежнему надменному, раздражающе-снисходительному тону. – Надеюсь, я могу пригласить портного маркиза для примерки будущего гардероба или скоро придут сундуки с вашими вещами?

Дункан безмолвно смотрел на камердинера. Дай англичанину палец...

Глава 9

В отличие от теток Сабрина не видела никакой трагедии в том, что история ее семьи может выплыть на свет божий. Но отношение лондонского общества к так называемому «скандалу» оказалось таким странным, если не сказать более, что она только плечами пожимала, не зная, плакать или смеяться. Если раньше люди поглядывали на нее с любопытством, как на всякое новое лицо в столичном свете, то теперь их взоры ясно говорили: «Как?! Ты все еще жива?! Но ничего, это ненадолго, могу в этом поклясться!»

Одна глупенькая дамочка даже вскрикнула, словно увидела призрак. Сабрина могла лишь предполагать, какие ужасы, не имеющие ничего общего с действительностью, наговорили этой особе сплетники.

Ее надеждам найти мужа в столице, разумеется, не суждено будет сбыться. Что ни говори, джентльмены вступают в брак, чтобы обзавестись наследниками, а кому нужна жена, которая не проживет достаточно долго, чтобы родить сына! Правда, обе тетки Сабрины благополучно здравствуют и много лет спустя после тех трагедий, но кто примет это в расчет? Нет, умудренные жизнью светские львы и львицы не собирались обращать внимания на такие пустяки. Так что не было смысла рассказывать всю правду о семье Ламберт. Люди верят только в то, во что хотят верить, несмотря ни на какие доказательства. Кроме того, в светском обществе вот уже целую неделю не о чем было говорить, и свеженькая сплетня подоспела как нельзя более кстати. Куда интереснее утверждать, что Ламбертов преследует рок и члены этой семьи склонны расставаться с жизнью задолго до отпущенного им срока.

К сожалению, прадед Сабрины, Ричард, действительно отважился на столь ужасный поступок, а его легкомысленная жена, не в силах пережить трагедию, последовала примеру мужа. Казалось, на этом цепь роковых событий должна была оборваться: дочь Ричарда Люсинда в то время была замужем за графом Уильямом Ламбертом, человеком крепкого здоровья и могучего сложения. У супругов родились две дочери, Хилари и Элис. Отец Сабрины, Джон, еще не появился на свет, и именно герцогский титул перешел к дальнему родственнику, которого Ламберты никогда не встречали.

Никто так и не узнал, прыгнула Люсинда с балкона сама или упала с него случайно. Ее здоровье сильно ухудшилось после рождения наследника: бедняжку мучили уныние и меланхолия, а после родов она долго лежала в горячке. Но никто в графстве не сомневался, что безумие, которым была отмечена эта семья, опять проявило себя, и скандал разгорелся с новой силой. Вот почему Хилари и Элис так и не дождались своего первого лондонского сезона.

Вероятно, на этом все и кончилось бы: ведь родословная графа была безупречной. Всякие толки о дурной крови затихли к тому времени, как Джон женился на Элизабет и на свет появилась Сабрина.

Но родители девочки имели несчастье съесть за ужином что-то не то. Возможно, им подали несвежее мясо или ядовитые грибы... Так или иначе, оба скончались еще до приезда доктора. Даже собака, съевшая остатки ужина, сдохла, а две судомойки, только попробовавшие блюдо, свалились с болью в желудке. Сам доктор во всеуслышание утверждал, что несчастные отравились случайно, но уже через несколько дней поползли слухи, что супруги решили уйти из жизни, приняв яд.

Хилари и Элис лучше других знали, насколько несправедлива молва. Их брат и его жена были очень счастливы, любили друг друга, и их гибель была страшной случайностью. Но этому никто не желал верить.

Неудивительно, что они были потрясены, когда слухи о злом роке, тяготевшем над их семьей, разгорелись с новой силой. И это после стольких лет! Они так мечтали о достойном муже для племянницы, и теперь все рухнуло!

Как они ни старались, все же не могли представить, кто именно оказался столь злобным и подлым, чтобы вновь раздуть огонь из тлеющих угольков, не пожалев ни в чем не повинную девушку. Но какая теперь разница, кто это был? Удар уже нанесен. И больше не было смысла оставаться в Лондоне.

Только Сабрина радовалась, что едет домой. Она уже успела понять, что блеск и мишура столичного сезона ей чужды и никак не подходят ее натуре, а городская суэта попросту раздражает. Повсюду слишком много народу, улицы грязны, а в горле першит от сажи и дыма. Ей донельзя не хватало уединенных прогулок на свежем, чистом воздухе, запаха влажной земли, аромата сена и цветов. Сабрине до смерти надоели толпы людей и заваленные мусором сточные канавы.

Хорошо, конечно, что ей удалось побывать хотя бы на одном балу, поскольку в их глуши таких развлечений не предвидится, и, кроме того, попасть на несколько приемов, прежде чем окружающие начали с подозрением на нее поглядывать. Теперь она поняла, что такое жизнь в большом городе. Лучше знать, чем гадать, так что эта поездка, по ее мнению, вовсе не была напрасной тратой времени.

В отличие от теток Сабрина не тревожилась, что останется старой девой. Наоборот, была уверена, что когда-нибудь найдет хорошего человека, настоящего мужчину, достаточно умного, чтобы не обращать внимания на злословие. Да, кто-то из ее предков покончил с собой, но это вряд ли означает, что всем Ламбертам грозит такая же участь. А если она не встретит суженого... Что ж, невелика беда – ее тетушки тому отличное доказательство.

К неудовольствию Сабрины, Риды напросились им в попутчики, потому что ко времени отъезда получили письмо с просьбой приехать в Саммерс-Глейд и познакомиться с внуком Невилла Теккерея, который вскоре должен был прибыть в Йоркшир. Леди Мэри, естественно, предложила отправиться в путь вместе. Офелия, со своей стороны, просто из себя выходила, умоляя Ламбертов вместе с ними погостить в Саммерс-Глейд.

Элис и Хилари, вне всякого сомнения, отказались бы, не будь они столь огорчены, покидая Лондон, но в эту минуту они просто были не в силах рассуждать здраво. Обе сестры не слишком любили маркиза, но Офелия объявила, что уже пригласила в Саммерс-Глейд немало друзей и что они превесело проведут время в деревне.

Родственницы Сабрины ухватились за это предложение, как за последнюю возможность поймать для племянницы завидного жениха, поэтому в итоге согласились. Стоило подумать также и о балах, которые будет давать Офелия, став супругой будущего маркиза. На них, разумеется, пригласят и Сабрину. Эти соображения немного подняли настроение обеим мисс Ламберт, а у Сабрины не хватило духу возразить, хотя она ясно представляла, насколько неприятно появляться в доме маркиза Бирминдейла без приглашения.

Помимо всего прочего, девушка отлично понимала, какие мотивы руководят Офелией. Та ужасно злилась, что ее тащат в сельское захолустье в самый разгар сезона, и решила, что это наилучший способ перенести сезон в провинцию. Более того, она, по ее мнению, нуждалась в дружеской поддержке, ибо никак не могла набраться отваги, чтобы встретиться лицом к лицу с шотландским дикарем, за которого ее принуждали выйти замуж.

И хотя Сабрине по-прежнему не слишком нравился способ, с помощью которого Офелия пыталась избавиться от нежеланного жениха, она все же сочувствовала подруге. Разве можно кого-то выдавать замуж насильно, тем более за человека, которого невеста в глаза не видела! Можно подумать, Средние века так и не миновали!

Сабрина отнеслась бы к Офелии с большим участием, если бы знала, что та готова на все ради любви. Но, очевидно, подобные пустяки Офелию не волновали. Она была слишком нетерпелива, чтобы подождать и узнать, понравится ли ей внук маркиза, а кроме того, охотилась за более знатным женихом. То, что на свете не так уж много молодых герцогов, жаждущих разделить с Офелией все преимущества своего положения, ей в голову не приходило. Она

придерживалась настолько высокого мнения о себе, что пребывала в полной уверенности: если она пожелает, то найдет принца или даже короля.

Сабрина едва не сгорела от унижения при встрече с величественным дворецким, не ожидавшим такого нашествия гостей. В дороге к Ридам и Ламбертам присоединились двое наиболее настойчивых обожателей Офелии, и ожидался приезд еще целой компании. Офелия, однако, со своим обычным высокомерием просто скользнула взглядом по верному стражу маркиза и скривила губы.

– Без своих друзей я не собираюсь здесь оставаться, – объявила она. – У меня будет много визитеров, и вам придется к этому привыкнуть.

К счастью для Офелии, родители еще не успели войти в холл и не слышали ее спесивых речей, иначе она, вполне вероятно, получила бы строгий выговор. Судя по взгляду дворецкого, маркизу предстояло услышать о дерзком поведении гостыи. Офелия от души на это надеялась. Ей не нужно было нравиться маркизу. И не важно, кто разорвет эту помолвку, он или его внук! Главное – поскорее покончить с этим неприятным обязательством.

Сабрина втайне благословляла судьбу за то, что, после того как маркиз выкинет их из своего роскошного дома, им не придется далеко ехать. Их дом находится рядом с маленьким городком Оксбоу, всего в получасе езды отсюда, так что можно будет выехать и ночью. Интересно, намерен ли лорд Невилл потакать своей будущей названной внучке.

Глава 10

Не подозревая о появлении лондонских гостей, Дункан с дедом сидели наверху и впервые в жизни смотрели в глаза друг другу. Дункан хотел подождать Невилла в гостиной, пока тот проснется, поскольку камердинер отказался будить хозяина раньше обычного. Дункану пришлось промаяться почти два часа, прежде чем старик открыл глаза и соизволил встать.

Но всему бывает конец, и вскоре камердинер пулей вылетел из спальни, красный от стыда: очевидно, маркиз как следует отчитал его за отказ повиноваться молодому господину. Правда, Дункан не жалел о проволочке: у него осталось достаточно времени, чтобы изучить гостиную Невилла. В ней было множество занятых вещей, с которыми у того, очевидно, были связаны драгоценные воспоминания.

Странные африканские маски на стене свидетельствовали о том, что Невилл когда-то посетил этот континент или по крайней мере хотел это сделать. Другой угол был заполнен шедеврами китайского искусства. На каминной доске теснились египетские безделушки. Невилл любил путешествовать либо был собирателем редкостей.

Обстановка, однако, была выдержана в том же французском стиле, что и в остальных комнатах. Письменный стол отличался таким изяществом, что Дункан боялся к нему подойти, опасаясь, что, стоит надавить на столешницу, его ножки подломятся. На столе стояло два небольших портрета. На одном была изображена мать Дункана в молодости, на другом – ребенок с ярко-рыжими волосами. Присмотревшись ко второй миниатюре, Дункан замер. Это вполне мог быть он сам, хотя... хотя не понятно, когда его успели нарисовать. Правда, заметно, что мальчик не позировал... значит, вероятнее всего он просто играл в саду, не обращая внимания на окружающих. Кроме того, волосы Дункана в детстве действительно были огненными и только с годами потемнели. Впрочем, особого сходства с собой, если не считать цвета волос, Дункан не заметил, но тут мог быть виноват не слишком искусный художник. Несмотря на все попытки убедить себя в том, что это портрет какого-то неизвестного малыша, в глубине души Дункан чувствовал, что его первое впечатление было верным.

Не понятно только, зачем Невиллу понадобилось заказывать его изображение, ведь он ни разу не попытался увидеться с Дунканом или хотя бы послать ему письмо. Он переписывался исключительно с Арчи, а не с единственным внуком, что, по мнению Дункана, лучше всяких слов говорило об отношении маркиза к нему. Дункан в представлении Невилла – просто вещь, обещанная и переданная по назначению, и дед ничем не выделяет его из ряда других ценных предметов. Дорогая собственность, но совершенно ни к чему испытывать к ней какие-то чувства.

Услышав шаги, Дункан обернулся и замер, увидев деда, стоявшего в дверях. Тот, в свою очередь, не мог отвести взгляда от внука. Оба молчали, сраженные первым впечатлением. Каждый ожидал увидеть нечто совершенно иное.

Невилл с его гривой серебряных волос, остриженных по последней моде, совсем не походил на несчастного жалкого старика. Время оказалось к нему благосклонно. И хотя понятно было, что Теккерей далеко не молод, на лице его почти не было морщин, а глаза оставались ясными. Белая эспаньолка придавала ему вид лощеного европейца, и это впечатление усиливала худоба, которая в его годы граничила с хрупкостью. Зато держался он гордо, прямо и ничуть не походил на человека, лежавшего на смертном одре, как намекал сэр Генри. Ни в коем случае. Очевидно, Невилл пребывал в превосходном здравии.

– Ты выше... чем я ожидал, – едва выговорил он.

– А вы... далеко не так стары... как я ожидал, – в тон ему откликнулся Дункан. – И далеко не такой дряхлый.

Первые фразы словно прорвали барьер отчуждения. Невилл бодро вошел в комнату. Он едва слышно вздохнул, с трудом опускаясь в кресло, стоявшее за маленьким письменным столом. Дункан, не найдя стула, который, по его мнению, не рассыпался бы под его тяжестью, встал перед камином, но быстро понял, что зря сделал это: в комнате становилось невыносимо жарко, а здесь, возле камина, было просто нечем дышать. Поэтому Дункан перешел к окну и попытался его открыть.

– Пожалуйста, не надо, – попросил Невилл и в ответ на вопросительный взгляд внука смущенно добавил: – Доктор предупреждал, что мне вредны сквозняки. Боюсь, мои легкие не выдержат очередного воспаления. К сожалению, именно поэтому мне приходится жить в такой духоте.

– Значит, вы были больны?

– Всю прошлую зиму провел в постели. Но на этот раз, похоже, все обошлось.

Дункан кивнул. Тон Невилла был спокоен, можно сказать, деловит. Он явно не рассчитывал вызвать у внука жалость, а лишь объяснял, почему в комнате так сильно натоплено. Дункан решил остаться у окна, где было немного прохладнее, хотя так и не пришел в себя после того, как едва не поджарился у камина. Почувствовав, как по лицу и шее ползут струйки пота, он сбросил камзол.

– Судя по всему, рост ты унаследовал от отца... вместе с волосами, – заметил Невилл, пристально наблюдая за внуком.

– Зато, говорят, у меня ваши глаза.

– Не смог бы ты... подойти ближе, чтобы я увидел это сам.

Неприкрытая мольба в голосе деда выбила Дункана из колеи.

– Значит, зрение у вас уже не то, – пробормотал он, неловко поежившись.

– Мне прописали очки, – неохотно признался Невилл, – но я все время их теряю.

В эту минуту он был удивительно похож на Арчи, и Дункан немного успокоился. Но чтобы не расслабляться, он напомнил себе, что этот старик, пусть и родной дед, все же не пожелал увидеть внука прежде и ничем не заслужил его любви. Лучше им по-прежнему оставаться чужими.

Тем не менее Дункан все же шагнул вперед, к письменному столу. Пришлось стоически терпеть изучающий взгляд Невилла, хотя Дункану все больше становилось не по себе. Ему хотелось повернуться и уйти, но он призвал на помощь всю силу воли. В конце концов, настоящий мужчина никогда не отступает.

– Элизабет гордилась бы тобой, если бы дожила до этого дня.

В устах Невилла это прозвучало искренней похвалой, но Дункана неожиданно охватило раздражение.

– А откуда вам известно, что она испытывала к сыну, если после свадьбы вы ни разу с ней не встретились? – с горечью выпалил он.

Только глухой не расслышал бы боли и тоски, звеневших в напряженном голосе молодого шотландца, и если другие чувства с возрастом иногда подводили Невилла, то слух его был все еще остер. Старый маркиз на мгновение оцепенел, но тут же пришел в себя. Если он и собирался говорить о прошлом, то сейчас, по-видимому, передумал.

– Леди Офелия и ее родители придут сегодня, – сообщил он, резко меняя тему. – Постарайся произвести на нее подобающее впечатление. Надеюсь, ты не пожалеешь для этого усилий. Хотя этот брак принесет больше выгод ей, чем нам, меня известили, что она пользуется огромным успехом в лондонском обществе и не имеет недостатка в поклонниках, готовых на все, лишь бы получить ее руку. В наше время молодым людям ничего не стоит из простого каприза нарушить уже принесенный обет, – с отвращением добавил Невилл.

Интересно, кого он имел в виду: невесту или жениха? Пусть они родственники, но Текке-рей не сделал ни единой попытки повидать внука или хотя бы написать ему до той минуты, как

настало время «выполнить обещание», но и тогда предпочел иметь дело с Арчи, а не с самим Дунканом. Естественно, маркиз понятия не имеет, каким человеком вырос внук, и совсем его не знает, разве что по описанию Арчи.

Дункан нахмурился. Хотелось бы иметь хоть какое-то представление, что мог сообщить про него Арчи во всех тех письмах, что отправлял Невиллу.

– Я не нарушаю обетов... если сам их приношу. Но пока я не дал ни одного.

Невилл удивился:

– Разве сэр Генри ничего не сказал о помолвке?

– Почему же, сказал. Он говорил о той помолвке, что заключили вы. Но я тут ни при чем.

Неужели вы до сих пор не поняли, лорд Невилл, что имеете дело со взрослым человеком, а не с юнцом, который до сих пор живет по указке старших? Я приехал к вам только из-за того, что не хотел позорить имя матери, давшей клятву. И я женюсь ради Арчи, который просит меня обвенчаться как можно скорее. Но невесту выберу сам. Если ваша леди Офелия придется мне по нраву, я, может, и соединю с ней судьбу, но не собираюсь брать на себя никаких обязательств, пока не увижу ее и не сделаю предложения по своей доброй воле.

– Понятно, – сухо кивнул Невилл. – Ты приехал сюда, заранее настроенный...

– Вы так думаете? Я назвал бы это нескрываемым отвращением к создавшейся ситуации. Кто-нибудь... вы, моя мать, Арчи... обязаны были просветить меня насчет этого чертова обещания задолго до приезда сэра Генри.

С этими словами Дункан круто повернулся и вышел, опасаясь, что может наговорить деду много такого, о чем потом пожалеет. Не стоило выказывать свои искренние чувства. Он слишком поспешил.

Глава 11

Обстановка в Саммерс-Глейд была такой натянутой, что Сабрина при первой же возможности улизнула из дома. Она любила все времена года и даже в самые холодные дни наслаждалась зимними прогулками. Природа, как в своем суровом, так и в приветливом обличье, не переставала восхищать ее. Сабрина не боялась подставлять лицо дождю, не возражала, если волосы ерошил ветер, а солнце обжигало щеки. В детстве тетки шутили, что она, должно быть, принадлежит к роду фей и где-то потеряла крылья.

Сабрина вскарабкалась на холм, где иногда простаивала целыми часами. До сих пор подходить ближе к Саммерс-Глейд она не осмеливалась, но с удовольствием обозревала открывавшийся отсюда вид на поместье лорда Невилла. Она так часто взбиралась сюда, что знала, каким красивым станет старый дом, когда окружающие его деревья вновь раскинут свои зеленые мантии.

Особняк был и в самом деле необычным, а теперь, когда Сабрина увидела комнаты и обстановку, она просто влюбилась в него. Жаль, что лорд Невилл редко принимает гостей, особенно соседей, которые подобно Ламбертам сгорали от любопытства узнать, как живет старый маркиз.

Правда, и то множество людей, что свалились ему на голову сегодня, никем не были приглашены, и теперь только оставалось гадать, захочет ли маркиз устроить что-то вроде приема. Сабрина была готова ко всему, даже к тому, что, вернувшись, застанет теток, укладывающих вещи. Это, впрочем, не слишком ее волновало, хотя она не прочь была посмотреть на знаменитого затворника. Все эти годы они были соседями, но Сабрина ни разу не видела лорда Невилла.

Она не спешила вернуться в особняк и проверить правильность своих предположений. Сабрина добралась до вершины холма, уселась, не заботясь о том, что испачкает плащ, и стала любоваться великолепной панорамой, открывшейся перед ней. Недаром тетки жаловались друзьям и знакомым, что племянница никогда не вырастает из платиц, потому что всегда ухитрится порвать их или перемазать травой или соком ежевики.

Она действительно была удивительно беспечной в этом отношении, но никогда не придавала значения мнению окружающих о ее внешности. К чему тратить время, прихорашиваясь? Того, чем наградили ее родители, не улучшишь никакими ухищрениями.

Сабрина сняла шляпку и положила рядом. Ветер мгновенно унес бы ее, если бы девушка не держала в руках ленты. Теперь шляпка смешно подпрыгивала на земле, постепенно превращаясь в мятую тряпицу. Сабрина закрыла глаза, ощущая, как ветер подхватывает легкие пряди ее волос и бросает из стороны в сторону. Один особенно непокорный локон пощекотал ей нос, и она, сморщившись, чихнула. Однако совсем не это помешало ей услышать стук копыт. Всадник так быстро оказался на вершине холма, за ее спиной, что едва не раздавил ее, и лишь в последний момент, заметив неожиданное препятствие, натянул поводья. Испуганная лошадь встала на дыбы и кинулась в сторону. Передние копыта опустились на злополучную шляпку. Но Сабрине было не до того. Она покатила по земле, даже не пытаясь вскочить, что было весьма благоразумно с ее стороны, иначе животное наверняка раздавило бы и ее.

Не одна она оказалась в столь незавидном положении. Всадник, перелетев через голову коня, приземлился как раз на склоне и полетел бы вниз, если бы не ухитрился схватиться за первый попавшийся кустик.

Сабрина пришла в себя и неуклюже поднялась. Мужчина все еще сидел, широко расставив ноги и ошеломленно осматриваясь по сторонам. Очевидно, он еще не сообразил, что произошло. Лошадь, фыркнув, отошла в сторону. При этом она утащила шляпку, приставшую к копыту, и попыталась сжевать шелковые цветы, украшавшие ее поля.

Сабрина сразу заметила, что сидящий человек – настоящий гигант. Короткая зимняя куртка туго обтягивала широкие мускулистые плечи. Но больше всего ее поразили его голые ноги, вернее, колени. Боже, да на нем только высокие сапоги и что-то вроде юбки. Кажется, это называется килтом. Как необычно! Правда, она уже видела шотландцев в таких нарядах. Они часто проезжали через Оксбоу по пути на родину, но только летом. Большинство предпочитало в холодное время одеваться потеплее. Неужели этому человеку и холод нипочем?

Она подумала, что перед ней, должно быть, жених Офелии. Килт и рыжевато-каштановые волосы позволяли предположить, что он по крайней мере наполовину шотландец, а в Саммерс-Глейд ждали именно шотландца, и... О боже, пожалуй, увидев жениха, Офелия быстро переменит мнение относительно этого брака и пожалеет о том, что хотела расторгнуть помолвку: он так красив, что у Сабрины дыхание перехватило!

Незнакомец встал. Она еще раз поразилась его статью и необычайно высоким ростом. Не обращая внимания на Сабрину, мужчина принялся отряхивать килт, так что обнажилось мощное бедро. Бедняжка вспыхнула от смущения. К счастью, он не смотрел в ее сторону.

– С вами все в порядке?

Шотландец резко обернулся:

– А как вы? Скорее уж мне следовало спрашивать об этом. Так уж получилось – я не заметил вас, пока не стало слишком поздно.

Она улыбнулась. Его акцент, как ни странно, оказался совсем легким и приятным на слух, хотя голос был чересчур низким. Но ей и это понравилось: звучит хотя и странно, но довольно музыкально. А глаза, темно-синие, почти черные, будоражили душу, лишали способности ясно мыслить.

– Я так и поняла.

– Мне следует извиниться перед вами. Похоже, мы с этой скотинкой не слишком хорошо поладили. – Он недовольно посмотрел на лошадь. – Но нужно признаться, и я не слишком искусный наездник. Предпочитаю ходить пешком, если расстояние не очень велико.

Какое совпадение! Он словно подслушал мысли Сабрины. Правда, она прекрасно ездила верхом, недаром ее впервые посадили в седло совсем ребенком. Но Сабрина считала дамские седла очень неудобными, кроме того, Господь наградил ее достаточно крепкими ногами, и она отлично управляла лошадьми.

Упоминание о расстоянии побудило ее, однако, спросить:

– Значит, вы направляетесь в Саммерс-Глейд?

Шотландец посмотрел на особняк и мрачно нахмурился, прежде чем пробурчать:

– Нет, просто хотел выпустить пар и подумал, что этот жеребец поможет развеять досаду. Видно, я ошибся. Стоило с самого начала предвидеть, что скачки по горам еще больше меня обозлят.

Девушка звонко рассмеялась, и это заставило Дункана присмотреться к ней внимательнее.

Чумазая растрепанная малышка с всклокоченными каштановыми волосами... Почему же его так привлекает эта простота? И ростом она мала... Длинный плащ скрывает ее от шеи до ног, облекая красивую грудь. Дункан заметил, что двух пуговиц на плаще не хватает, видно, затерялись. И еще он обратил внимание на ее глаза. Они сияли изумительным аметистовым светом.

Внезапно в голову Дункана пришла совершенно невероятная мысль, которую он не замедлил высказать:

– Вы, случайно, не леди Офелия?

– Господи, конечно, нет! А вот вы, должно быть, тот горец-дикарь, о котором я столько слышала! – выпалила она, испугавшись своей бестактности.

Но он по какой-то причине не оскорбился. Возможно, потому, что при этих словах ее прелестные глаза лукаво блеснули. Очевидно, она находила забавным сам эпитет «дикарь» в применении к Дункану, и он невольно развеселился. Кроме того, утром он надел килт, который обычно не носил зимой. Облачившись в традиционный костюм шотландца, он хотел доказать Невиллу, что предпочитает свою родину Англии. В такое время года это могло показаться окружающим варварским обычаем, хотя ничтожные английские холода были ему нипочем. Теперь, по зрелом размышлении, он понял, что, должно быть, со стороны кажется смешным, поэтому шутливо признался:

– Представьте, это действительно я.

– Но вы вовсе не так стары, как я считала, – продолжала девушка.

Шотландец приподнял рыжеватую бровь:

– И сколько же мне должно быть, по-вашему, лет?

– Сорок.

– Сорок?! – загремел он.

Девушка рассыпалась серебристыми трелями смеха. Дункан едва удержался от того, чтобы не последовать ее примеру, и наградил взглядом, который, как он надеялся, покажется ей достаточно строгим и немедленно поставит на место.

– Так вы все это время надо мной потешались?

– А что, было так заметно?

– Немногие бы на такое отважились.

Сабрина снова улыбнулась:

– Теперь я все больше сомневаюсь, что вы такой варвар, как считают в обществе, но ведь и моя репутация ходячего призрака по меньшей мере неточна. Ах, уж эти болтуны! Все их злословие редко имеет в основе реальные факты, однако сплетни частенько принимают за непреложную истину.

– Значит, Невилл ожидал увидеть дикаря, я вас верно понял? – осведомился Дункан.

Его собеседница с недоумением моргнула, но тут же опять рассмеялась:

– О господи, конечно, нет! Для этого он достаточно хорошо вас знает! Что ни говори, а вы – близкие родственники. Нет-нет, речь идет о тех, кто никогда вас не встречал и не представляет, чего ожидать от горца! Поймите, мы здесь видим так мало шотландцев, откуда же нам знать, что цивилизация давно пришла и в Шотландское нагорье... о, простите, я заболталась!

Дункан хотел что-то утвердительно проворчать. Ее наивная уверенность в том, что дед хорошо знаком с внуком, больно ударила по его сердцу. Но все остальное, сказанное ею, было настолько забавным и верным, что он быстро освоился и даже хотел, в свою очередь, поддеть незнакомку, вместо того чтобы объяснить, какие они, горцы, на самом деле.

– Вы так уверены в этом? – поинтересовался он.

– В чем именно?

– Что цивилизация пришла в шотландские горы?

Она сделала вид, что задумалась, и пояснила:

– Ну... возможно, не так давно, как в Англию, но вряд ли там по-прежнему живут воинственные вандалы. Стоит взглянуть на вас, чтобы в этом убедиться. Или вы просто забыли наложить свою боевую раскраску?

Дункан, не выдержав, расхохотался до слез, так что ему пришлось вытирать мокрые щеки. Немного придя в себя, он заметил, что незнакомка хмурится.

– Так я права? Вы действительно забыли? А меч и стрелы?

Это вызвало новый приступ веселья. А когда он успокоился, то понял, что горечь и злоба, терзавшие его долгое время, рассеялись. И на девичьем лице играла озорная улыбка. Ну и проказница! Опять она подшутила над ним!

Что за девчонка! Настоящая драгоценность. Таковую он не ожидал встретить в Англии. Если и остальные здешние девушки такие, возможно, он не будет слишком протестовать против женитьбы на одной из них.

Глава 12

Гости Невилла – а их количество увеличивалось с каждым часом – понятия не имели, что единственной причиной, по которой их не выставили сразу же, было нежелание хозяина оставаться наедине с внуком, особенно после неудачной первой встречи. Маркиз надеялся, что молодые люди (его уже успели уведомить, что почти все собравшиеся были не старше Дункана) отвлекут мальчика и тот наконец почувствует себя как дома.

С самого начала Невилл понял: Дункан вовсе не рвался в Англию. Как ни странно, до сих пор маркизу не приходило в голову, что внук может и не желать никакого наследства. Теперь лорд Теккерей не знал, что делать и каким образом завоевать благосклонность внука и заставить его принять на себя обязанности лорда.

Дункану еще многому нужно научиться, но сейчас не время начинать уроки. Возможно, лучше всего будет поспешить со свадьбой, поскольку Дункан, кажется, согласен жениться хотя бы ради Арчи.

Маркиза ужасно бесило, что мальчик готов на все, лишь бы угодить шотландскому родственнику, и совершенно не принимает во внимание английского деда. Правда, этого следовало ожидать, но тем не менее Невилл был недоволен, хоть и благодарен Арчибальду за то, что тот вырвал у внука согласие на брак. Сам он не найдет покоя, пока мальчик не пойдет к алтарю и не зачнет первенца, ибо есть все основания полагать, что если старый шотландец не получит своего наследника, то после смерти Невилла наверняка заманит Дункана обратно в горы.

И не стоит тешить себя мыслью, что такого не случится. Переписка с Арчибальдом Мактавишем позволила Невиллу понять, что его противник не так прост. Наоборот, с большим трудом расстается с тем, что имеет, и к тому же упрям и хитер. Невиллу совсем не нравилась дележка наследников, как предлагал шотландец. Дункан был единственным близким родственником маркиза, и ему по всем законам доставались титул и состояние Бирминдейлов. И не важно, что Мактавиш находится в том же положении. В конце концов, не составит труда нанять управляющих, чтобы присматривать за обширными шотландскими владениями. Кроме того, имения Невилла не требовали постоянной заботы. Было бы прекрасно, если бы Дункан смог целиком посвятить себя только одной стране, но англичанам не привыкать иметь собственность в разных частях света.

Это и стало яблоком раздора. Шотландец, очевидно, считал, что потерял Дункана из-за обещания, данного Элизабет, и настаивал на продолжении рода Мактавишей. В этом Невилл не мог с ним не согласиться. Какому мужчине не хочется узнать, что фамилия его не уйдет в небытие? Дункан просто обязан иметь как можно больше детей, но у стариков осталось не так много времени, поэтому ему лучше начинать как можно скорее.

Невилл был доволен своим выбором. Вероятно, стоило бы познакомиться с невестой до того, как была заключена помолвка, но он слишком обозлился на Арчибальда, настоявшего на том, чтобы невеста считалась первой красавицей Англии. Словно важнее этого ничего быть не могло! Вот почему, когда его люди поклялись, что Офелия поистине неотразима, он поспешил обратиться с предложением к ее родителям. И первая встреча его отнюдь не разочаровала. Офелия Рид оказалась столь же прекрасной, как утверждали поверенные Невилла. Огорчало только, что характер у нее, похоже, довольно заносчивый и держится она сухо, но все это можно отнести на счет смущения. В конце концов, не каждый день приходится знакомиться со столь важной персоной!

Кроме того, и надменность не столь плохая черта. Сам Невилл нередко производил такое же впечатление в зависимости от того, с кем имел дело. Да и снисходительность иногда бывает полезна! Но маркиз был уверен, что Дункан с первого взгляда будет сражен Офелией. Впрочем, какая разница? Главное – чтобы мальчик был счастлив со своей милой женой.

Сабрина вполне могла быть права, предположив, что Офелия изменит мнение о женихе, как только его увидит. Могла бы... если бы нареченные встретились с глазу на глаз и при других обстоятельствах. Но судьба повелела так, что Офелия царила в кругу обожателей и поклонников как раз в тот момент, когда Дункан появился в гостиной, где собрались молодые люди. К несчастью, он не успел переодеться после прогулки и по-прежнему был в килте и короткой куртке, что послужило подтверждением ни на чем не основанных сплетен, которые сама же Офелия и распустила. Ее друзья мгновенно нашли повод поиздеваться над неотесанным провинциалом.

– Иисусе милостивый, да на нем юбка! – прошептал кто-то рядом с Офелией.

– Но именно так одеваются в Шотландии, – попытался объяснить более рассудительный молодой человек. – Она называется...

– ...чертова юбка, и никак иначе. Подумать только, а я воображал, что родственник маркиза просто не может быть таким варваром, как некоторые полагали, но, очевидно, ошибся, – перебил третий.

Офелия сгорала со стыда – состояние совершенно ей несвойственное. Она ожидала, что можно будет вволю поиздеваться над Дунканом Мактавишем, но иными способами. Как ужасно обнаружить, что ее домыслы оказались настолько близки к истине! Донельзя смущенная девушка даже не рассмотрела как следует своего жениха. С нее было достаточно увидеть непристойный наряд и красные отблески в растрепанных ветром рыжевато-каштановых волосах, чтобы понять: она была права.

С одной стороны, Офелия испытывала некоторое облегчение. Теперь родители поймут, что неизвестно откуда взявшийся горец ей не пара. Им известно мнение света – дочь об этом позаботилась. Но они отмахивались от нее, уверяя, что все это вздор. Интересно, что они скажут теперь?!

Но с другой стороны... всегда приятно злословить про ближнего и обращать толки себе на пользу, а вот самой оказаться мишенью чужих шуток и притворного участия... Какой позор! Офелия терпеть не могла краснеть и смущаться! И потом, румянец ей совершенно не идет!

Поэтому она едва сдержала раздражение, когда Дункан, обозрев высокое собрание, громко представился и, отвесив ей церемонный поклон, который она посчитала издевательским, объявил:

– Поскольку девицы пригожее не найти во всей подлунной, вы, похоже, и будете леди Офелия!

Офелия прекрасно поняла смысл сказанного, но пренебрежительно фыркнула:

– Сумей вы перевести свои комплименты на английский, может, я и выслушала бы их. Заодно попытайтесь одеться как полагается. Или вы, горцы, предпочитаете наряжаться, как женщины?

Даже прозрачный намек на то, что шотландский килт может иметь какое-то сходство с женским нарядом, был худшим оскорблением для горца. Дункан мог бы простить Офелию, отнесся насмешку на счет невежества англичан, но это было сказано явно в расчете на публику. Невозможно было не заметить произведенного ею эффекта: по комнате прокатились смешки и ехидные реплики.

Сама же Офелия была, несомненно, довольна – она добилась желаемого: горец явно смущался.

Дункан не знал, что с ним творится, но теперь это не имело значения. То, что он почувствовал в первый миг, – изумление, восторг, даже признательность... готовность благодарить деда за то, что нашел ему такую ослепительную невесту, – заставило его сильнее ощутить неожиданный удар.

И пусть с первого взгляда Дункан был потрясен и даже ослеплен ее несравненной красотой, Офелия своими руками разрушила все чувства, которые он мог к ней питать. Теперь она в глазах Дункана была уродливее обезьяны.

Не сказав невесте ни единого слова, он повернулся, вышел и отправился на поиски деда. Долго искать не пришлось: Невилл как раз спускался по лестнице, готовясь присоединиться к гостям. Дункан даже не потрудился остановиться, просто обронил, проходя мимо:

– Она не годится.

Невилл, потрясенный категоричностью тона внука, хотел было последовать за ним и выяснить, в чем дело. Но учитывая предыдущую не слишком дружелюбную встречу, решил сначала разузнать правду другим способом. Офелия Рид ему нравилась, и маркиз, разумеется, был не слишком доволен тем, что все его усилия найти внуку идеальную невесту пошли прахом. Он подал знак дворецкому, стоявшему в передней. Тот никогда не подводил хозяина и всегда до последней мелочи знал, что творится в доме и усадьбе. Он и пересказал маркизу слова Офелии, потому что уже успел выслушать сообщение лакея, ставшего свидетелем ужасной сцены в гостиной. Невилл чуть не схватился за голову.

Глупая сорока! Неужели родители не сумели вбить ей в голову правила приличия?! Красота всегда желанна в будущей жене, но она не должна сочетаться с наглостью и невежеством! Дункан прав: Офелия Рид не годится в жены маркизу Бирминдейлу.

Глава 13

Дункан ускакал, оставив Сабрину на холме. Правда, он понятия не имел, что ей нужно в ту же сторону. Кроме того, она никуда не спешила. Скорее наоборот. Поэтому девушка еще немного посидела на траве, перебирая в памяти все, что он ей сказал, и стараясь не забыть ни единого слова.

Что за невыразимо волнующий день! Такого ей еще не приходилось переживать, ведь она никогда не оставалась наедине с таким красавцем. И человек он сложный. Никак не хотел улыбнуться ей, не говоря уж о том, чтобы рассмеяться. Ей пришлось приложить немало усилий, чтобы развеселить его. Интересно, что могло так расстроить беднягу? Откуда такое дурное настроение?

Зато, уезжая, он улыбался, и у нее отчего-то стало радостно на душе. Как хорошо, что удалось немного его отвлечь, особенно потому, что он ей понравился. Обычно она не судила о людях столь поспешно, но в этом случае... трудно не симпатизировать ему. Голос, улыбка, чувство юмора, которое он все же не сумел скрыть, и, разумеется, внешность! Шотландец расстроил ее, лишил покоя, но она все-таки наслаждалась каждой минутой, проведенной в его обществе.

Нужно сказать, что при всем этом Сабрина не тешила себя иллюзиями. Мужчины, подобные этому, не для таких, как она. Вот Офелия – другое дело. Это ей с детства предназначается все самое лучшее. Обидно, до ужаса обидно, но ничего не поделаешь. Красавцы для красавиц, а для нее – обычный, ничем не примечательный внешне, зато добрый, порядочный, умный человек, который охотно будет гулять с ней, смеяться, часами разговаривать и сидеть на холме, любуясь закатом...

О господи, да солнце вот-вот скроется! Сколько же прошло времени?

Сабрина вскочила и пустилась бежать, ни разу не отдохнув до Саммерс-Глейд. Пришлось проскользнуть в дом с черного хода – ей хотелось встретить как можно меньше людей, ведь волосы у нее были не в порядке, а одежда помята.

Она отыскала лестницу для слуг и, стараясь ступать бесшумно, поднялась в свою комнату. Как на грех, там оказалась тетя Элис, а это означало, что теперь она не сумеет скрыть свои похождения. Но Элис не обратила на племянницу внимания: очевидно, ей было не до того. Она раздраженно бросала вещи Сабрины в чемодан и не удостоила ее даже взглядом.

– Где ты была? – проворчала она. – Нам следовало давным-давно убраться отсюда вместе с остальными.

– С остальными? Значит, лорду Невиллу все-таки не понравилось наше присутствие лондонцев?

– Его мнения я не спрашивала, – отрезала Элис, – но сначала маркиз согласился дать небольшую вечеринку, а потом передумал. Старый осел совсем спятил! Когда мы собрались спуститься вниз, появилась экономка и попросила нас уехать. Бедная женщина была красной как рак и заикалась от смущения!

Сабрина, покачивая головой, стала помогать тете.

– Вряд ли стоит осуждать лорда Невилла. В конце концов, он никого не приглашал и, вероятно, считает, что Офелии с женихом стоит остаться наедине и познакомиться получше без посторонних...

– Весьма сомнительно, дорогая, поскольку Риды уже на пути в Лондон.

– В Лондон? – удивилась Сабрина. – Только потому, что маркиз отказался развлекать гостей? Неужели Офелия закатила по этому поводу истерику?

– Понятия не имею. Я не видела их перед отъездом. Хилари, должно быть, все известно. Расспроси лучше ее.

Сабрина так и сделала, пока они ожидали экипаж. Экономке пришлось послать за дорожной каретой лорда Невилла, поскольку Ламберты приехали с Ридами.

– Мэри пообещала обо всем мне написать, – сообщила Хилари. – Пожаловалась, что слишком расстроена, чтобы обсуждать это сейчас. Бедняжка в самом деле неважно выглядела.

– А Офелия? Как она?

– По-моему, – прошептала Хилари, – отец как следует отчитал ее за дерзость и своеволие. И похоже, не просто отчитал. Одна ее щека была заметно краснее другой и, кажется, даже чуть припухла. Я не сторонница такого рода наказаний, но девчонке слишком много позволяли, а подобные выходки следовало пресекать в самом зародыше.

– Так отец дал ей пощечину?! – ахнула Сабрина.

Хилари кивнула:

– Отпечатки пальцев на коже были хорошо видны.

– Но ее родители не возражали, когда она пригласила нас, – возразила Сабрина.

– Если бы только нас! Офелия позвала еще пятьдесят шесть человек, словно уже стала маркизой и хозяйкой дома и имела право делать все, что пожелает. Неудивительно, что Невилл в конце концов вышел из себя. Должна признаться, и я на его месте сделала бы то же самое, взбреди в голову моим гостям пригласить целую толпу! Дорогая, это по меньшей мере неприлично. Так не делается.

Это действительно переходило все границы. Но Сабрина и словом не обмолвилась теткам о намерении Офелии любой ценой избавиться от нежеланного жениха. Да и как она могла решиться на предательство, если мать Офелии была лучшей подругой Хилари!

Должно быть, Офелия решилась на такое, чтобы взбесить маркиза. Но все это было до того, как она встретила с женихом. Наверняка теперь она горько пожалела о том, что затеяла.

Ах, как все сложно и запутанно! Планы Офелии, средства их достижения... Сабрина от души радовалась, что останется в стороне от этих интриг. Сама она по натуре была прямой и откровенной. Плести запутанную паутину заговоров и далеко идущих замыслов не в ее характере. Да, нужно признаться, что с Офелией никогда не бывает скучно, но после стольких волнений унылая монотонность ее жизни с тетушками покажется спасительным убежищем.

Втайне Сабрина надеялась, что еще увидит Дункана Мактавиша перед тем, как покинет Саммерс-Глейд. В последний раз, до свадьбы, на которую Ламбертов, вне всякого сомнения, пригласят. Вполне возможно, что шотландец немедленно отправится за Офелией в Лондон. Но он, наверное, затерялся в этом огромном доме и не покажется до самого их отъезда...

Глава 14

– Ну где же она? Признаюсь, что с нетерпением ожидаю встречи с самой хорошенькой девчонкой Англии, которую вы нашли для моего парня!

Невилл так и ошетинился, когда верзила-шотландец ввалился в столовую, где он мирно ужинал в одиночестве. Дворецкий, опередивший незваного гостя всего на мгновение, с мольбой смотрел на хозяина, очевидно, прося прощения за то, что не предупредил о внезапном вторжении горца.

– Арчибальд? – предположил Невилл вслух.

– Да, а вы ожидали кого-то еще?

– Во всяком случае, не вас, – раздраженно буркнул маркиз. – Какого дьявола вы здесь делаете?

Шотландец невозмутимо выдвинул стул, уселся напротив Невилла и уставился на дворецкого, словно ожидая, чтобы тот поставил прибор и принес еду и ему.

– Не думаете же, что я положусь только на вас в таком важном деле, как женитьба моего внука!

– Но Дункан не упоминал о вашем приезде, – возразил Невилл.

– Вероятно, он не знал, что я вздумаю явиться, – хмыкнул Арчи. – Малыш не привык спешить, но если что-то возьмет в голову, то не отступится. Неплохая черта, но не так уж много времени мне осталось, чтобы терпеливо ждать, пока он наберет разгон. Парень не слишком сюда торопился, вот я и решил своими глазами посмотреть, что тут творится. Сказать парню все заранее означало обозлить его, а он и без того рвал и метал, узнав о клятве своей матушки. Не хотелось бы гневить его еще больше.

Последнее было добавлено нескрываяемо злорадным тоном. Невилл заметил это и скрипнул зубами в бессильной ярости. Но что он мог поделать?

– Да, камень за пазухой у него в самом деле тяжелее некуда. Не пойму только, в чем причина.

– Я в этом деле не замешан, – усмехнулся Арчи. – Не я решал, когда сообщить ему правду. Это вы и его мать сговорились держать все в тайне, до совершеннолетия парня. Не то чтобы я возражал, наоборот, но вы по крайней мере могли навестить внука, попытаться завоевать его любовь.

– Это после того путешествия, едва не убившего меня?

– Ах, вы, англичане, такие слабаки, не выносите даже легкого ветерка, – пренебрежительно бросил Арчи, вспомнивший, что когда-то Невилл действительно попытался добраться до Шотландского нагорья. – Но если хотите знать, дело не столько в том, что вы никогда не были знакомы, сколько в вашем желании оторвать его от всего привычного, лишить родины и заставить жить среди чужих.

– Скоро мы перестанем быть чужими.

– Но вы даже не позаботились предупредить Дункана, что ему предстоит жить здесь.

Невилл слегка покраснел, не в силах опровергнуть это обвинение, и пробормотал в свое оправдание:

– Элизабет следовало все ему рассказать.

– Бедняжка так и сделала бы, если бы прожила еще несколько лет.

– Но вы могли бы сами обо всем ему поведать, – перешел в наступление Невилл. – Почему же этого не произошло?

Арчи насмешливо приподнял брови:

– Зачем, если я надеялся, что вы уйдете в мир иной, прежде чем он достигнет совершеннолетия? В этом случае мальчик вообще ни о чем не узнал бы.

Щеки Невилла побагровели, но теперь уже от гнева.

– Сожалею, что разочаровал вас, но он так или иначе стал бы следующим маркизом независимо от того, когда бы я покинул этот свет!

– Разве у вас нет других родственников... скажем, дальних-дальних, давно забытых кузенов?

– Я был единственным ребенком, – сухо обронил Невилл. – Мой отец оставался единственным сыном. У деда были две сестры, но обе умерли в детстве. Дункан – мой наследник, и я никак не могу понять, почему он одновременно не может быть и вашим.

– Значит, вы не возражали бы против того, чтобы он постоянно жил в Шотландии? – с деланным удивлением осведомился Арчи. – О, вам стоило только сказать...

– Разумеется, он не может все время там оставаться, – нетерпеливо перебил маркиз. – Здесь у него достаточно обязанностей, чтобы...

– Так я и думал, – кивнул Арчи. – Но вы должны понять, что бесконечные поездки в Шотландию и обратно очень трудны даже для тех, кто привык к условиям жизни в горах! Неужели вы потребовали бы такого от мальчика? Или считаете, что здешние обязанности куда важнее тамошних? Предлагаете, чтобы он проводил в доме, единственном доме, который знал, всего несколько недель нашего короткого лета за целый год?

– А по-моему, это вы не слишком уверены в том, что он сумеет достойно управлять всеми своими владениями. Но в Дункане течет кровь Теккереев. В отличие от вас я не сомневаюсь: он всего достигнет.

– Мальчику достаточно задаться целью, чтобы одолеть любые трудности! – едва не завопил Арчи. – И я не желаю, чтобы он загнал себя в могилу ради чертова наследства!

– Следовательно, мы придерживаемся разных мнений относительно способностей Дункана. Вы по-прежнему не слишком надеетесь на силу его духа. И вообще все это возвращает нас к идиотской переписке, которую мы вели месяцами. Ничуть не удивлюсь, если вы взвинтите себя настолько, что начнете очередную ссору.

– В шотландских горах не растят дураков, – невольно рассмеялся Арчи.

– Позволю себе возразить вам: дураков вообще нигде не растят. Дураками рождаются, а родиться можно где угодно. Доказательством служит то, что вы сейчас сидите в моем доме и спорите из-за пустяков.

– Значит, вы осмеливаетесь называть меня в лицо дураком? – хмыкнул Арчи. – А по мне, вы ничуть не умнее.

– Убирайтесь, Мактавиш, – прошипел Невилл.

– Ну уж дудки! Останусь, пока парень не женится. Чем скорее вы это устроите, тем скорее избавитесь от меня. Итак, когда свадьба?

Невилл сдался, очевидно, смирившись с мыслью, что от судьбы не уйдешь. Кроме того, вряд ли Дункан обрадуется, узнав, что его второму деду не оказали должного приема.

– Ответить на это мне так же трудно, как и вам, ибо в настоящий момент подходящей невесты пока нет.

Арчи, поразительно правдиво изображая приступ истинно шотландской вспыльчивости, взметнулся со стула:

– Как? Он отверг невесту? Я мог бы поклясться, что он хотя бы захочет посмотреть на девушку, прежде чем...

– Он и посмотрел.

Арчи недоуменно свел брови:

– Значит, она была не такой смазливой, как вы расписывали?

– О нет, девушку красивее трудно представить, – заверил Невилл.

Арчи вздохнул и медленно опустился на место, очевидно, совершенно разочарованный.

– А я-то надеялся, что он не позволит безрассудному гневу помешать его счастью, но, очевидно, мальчику необходимо больше времени, чтобы привыкнуть к навязанным ему переменам.

– О нет, это никак не связано с разрывом помолвки. Я и сам сделал бы то же, если бы меня так оскорбили. Красивая оболочка и ни капли души, не говоря уж о здравом смысле, – вот что такое эта девица. Нашему внуку нужна совсем другая.

– А кто следующая в вашем списке? – со вздохом спросил Арчи. – Или другими вы не интересовались?

– Почему же, есть несколько кандидатур, но я не повторю ошибки, сделав предложение до знакомства.

– В таком случае устройте, чтобы девицы приехали сюда. Чем скорее с этим покончить, тем лучше.

Невилл уставился в потолок. Он предпочел бы закатить глаза для пущего эффекта, но от подобных мизансцен у него всегда начиналась мигрень.

Постаравшись взять себя в руки, он спокойно, как малому ребенку, объяснил горцу:

– Дункан только сегодня разорвал помолвку. Я едва успел смириться с мыслью о том, сколько времени потрачено зря на дерзкую нахапку, а уж думать о встрече с другими...

– Вы слишком долго жили отшельником, маркиз. Лучший способ собрать всех вместе – дать бал. Устройте хотя бы один, да попышнее, чтобы все ваши барышни получили приглашения. Парень посмотрит на них и решит, кому сделать предложение.

Невилл горько усмехнулся. Бал? И это после того, как он только что вышвырнул из дома цвет лондонского общества? Как же пригласить их теперь?

– Вряд ли это хорошая идея...

– О, вам лишь бы во всем мне перечить! Да поймите же, если все они соберутся в вашем доме, парень сможет выбирать из целого цветника. Если вы забыли, как принимать гостей, попросите какую-нибудь светскую дамочку помочь вам.

Невилл снова залился румянцем.

– Не так уж много времени прошло с тех пор, как я развлекал целое общество...

Арчи, не столь сдержанный, как Невилл, не подумал скрывать свои чувства и издевательски расхохотался. Маркиз стиснул кулаки, жалея о тех временах, когда дуэли на рассвете считались идеальным способом посчитаться с врагами.

– Благодарю за совет, но предпочитаю справиться сам, – процедил он.

– В таком случае когда начнете рассылать приглашения? Не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня.

– Если не возражаете, я сначала закончу ужин, – выдавил Невилл.

– Кстати об ужине! Плохой вы хозяин, маркиз. Даже не предложили мне соблазнительного ростбифа, каким наслаждаетесь сами, – заметил Арчи, глядя на тарелку Невилла. – Надеюсь, с гостями вы будете обращаться вежливее.

Оскорбление, однако, не достигло цели. Невилл показал на дверь за спиной Арчи и вежливо объявил:

– Кухня внизу по коридору.

Арчи так и покатился со смеху:

– Да, Теккерей, ничего не скажешь, и вы можете быть достойным противником. Однако время покажет, кто возьмет верх. А пока вложите шпагу в ножны – не известно, чем кончится дело, если вы так позорно промахнулись с девчонкой! Кстати, где вы прячете моего внука? Неужели и его отослали на кухню?

– Полагаю, он в одиночестве зализывает раны, нанесенные змеиным языком. Как мне передали, негодяйка ужалила его в самое сердце. Так что прошу, избавьте меня от своего обще-

ства и найдите внука. Возможно, вы именно тот, кто сумеет немного утешить его, хотя лично я не представляю более угнетающего зрелища.

– Ничего, – усмехнулся Арчи, направляясь к выходу, – ты еще привыкнешь ко мне, англичанин... впрочем, у тебя все равно нет выхода, не так ли?

Глава 15

Когда приехала Офелия, Сабрина как раз была на прогулке, так что несостоявшаяся маркиза уже успела устроиться наверху и разложить вещи в ожидании подруги. Узнав о появлении неожиданной гостьи, Сабрина тут же отправилась наверх. Как ни удивительно, Офелия прибыла одна, без родителей, что было явным нарушением приличий.

Риды вернулись в столицу неделю назад, и Хилари еще не получала известий от леди Мэри. Ламберты не знали, что точно случилось в Саммерс-Глейд в тот день, когда всех гостей столь бесцеремонно выставили за дверь. Зато по всей округе разлетелись вести о том, что дом маркиза Бирминдейла отныне открыт для общества. Кроме того, слуги, обычно успевавшие все пронюхать первыми, передавали из уст в уста, что причиной такого решения маркиза было желание выбрать для внука новую невесту.

Для многих, особенно для Сабрины, это стало настоящим потрясением. Она все еще не могла поверить, что горец отверг Офелию, едва увидев, а ведь именно так говорили. Не влюбиться в такую красавицу?! Правда, это совпадало с желанием Офелии, но Сабрина все-таки считала, что стоит молодым людям встретиться, и они с радостью пойдут под венец. Найти же другую невесту Дункану Мактавишу не составит труда: немало богатых и хороших леди из кожи вон вылезут, чтобы стать хозяйкой Саммерс-Глейд и заполучить такого завидного мужа.

Сабрину с тетушками, разумеется, на бал не пригласили. И неудивительно. Кому охота принимать у себя особ со столь таинственным прошлым! Очевидно, слухи о роке, тяготевшем над семьей Ламберт, дошли и до ушей маркиза. Что ж, нельзя его винить: никто не пожелает внуку связать жизнь с девушкой, причастной к подобному скандалу.

В Саммерс-Глейд начали съезжаться сливки лондонского общества. Уже прибыли более сотни гостей, включая и тех, кого выгнали отсюда на прошлой неделе. Но разве можно пропустить событие года? А кроме того, многим аристократам, как, впрочем, и соседям лорда Невилла, было любопытно увидеть знаменитого затворника. Другие просто не могли отказать такому знатному человеку, как маркиз. Одна графиня ради такого случая даже отменила собственный бал и явилась в Йоркшир. Все леди и джентльмены буквально охотились за приглашениями.

Хилари и Элис, конечно, расстроились, что Сабрину не позвали, и даже поссорились по этому поводу. Правда, они не надеялись, что девушка может понравиться будущему маркизу, но на таком пышном празднике соберется немало подходящих женихов. Сабрина тоже впала в уныние, но совсем по другой причине – она жалела об утраченной возможности вновь повидаться с Дунканом Мактавишем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.